

Дарья ДОНЦОВА

www.dontsova.ru

Дарья Донцова
Клеопатра с парашютом
Серия «Любимица фортуны
Степанида Козлова», книга 4

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3937255

Клеопатра с парашютом : роман / Дарья Донцова: Эксмо; Москва;

2012

ISBN 978-5-699-55744-8

Аннотация

Только-только начальство укатило в отпуск и Степанида Козлова слегка расслабилась – как на тебе! Прямо в родном бутике косметики «Бак», где она трудится моделью по макияжу, кто-то увел ее любимую сумочку! Хорошо хоть пропажа быстро нашлась и лишилась хозяйка сущей мелочи – дешевого браслетика. Притом на руке остался похожий: коллега Зина, чья машина внезапно взорвалась прямо на заправке, вручила его Степе в больнице. Приятельница перед смертью слезно умоляла ни в коем случае не отдавать безделушку ее милой тетушке Ире, которая тоже работает в магазине «Бак» и строит продавщиц не хуже армейского прапорщика. Степаша выполнила просьбу, и, как оказалось, очень зря! На ночь глядя ее выставили из съемной квартиры, а наутро оттуда вынесли тело девушки, очень похожей

на Степу... Похоже, этот браслетик не так прост и ей угрожает нешуточная опасность!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	38
Глава 5	51
Глава 6	62
Глава 7	73
Глава 8	83
Глава 9	95
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Дарья Донцова

Клеопатра с парашютом

Глава 1

– Коня на переправе на осла не меняют...

Я оторвалась от журнала и посмотрела на медсестру, которая меняла капельницу больной.

– Что ты сказала, Анечка?

– Не стоит от добра добра искать, – протянула та, взясь с прозрачным мешком, наполненным физраствором. – Где родился, там и пригодился, устроился на хорошее место – работай, не рыпайся. И в личной жизни так же. Вон, Натка из второй терапии выскочила замуж в семнадцать лет, и... Эй, ты слышишь меня?

– Угу, – протянула я, косясь одним глазом на страницу глянцевого журнала.

Снимок запечатлел женское лицо с нереально длинными и кукольно загнутыми ресницами, с идеально очерченным ртом и нежно-персиковым румянцем на фарфорово-белой коже. Прибавьте к портрету еще роскошные белокурые локоны, в художественном беспорядке разбросанные по плечам, и станет понятно, по какой причине среднестатистическая читательница журнала синее от зависти, разглядывая фото

модели. Но это чувство сразу испарится, едва любительница гламурного чтения переместит взгляд на правую часть разворота – там напечатан снимок девушки, весьма отдаленно похожей на первую. У нее обычная, ничем не примечательная внешность, с которой легко затеряться в толпе. У красотки и этой серой мышки одинаковы лишь шикарные волосы. И через обе страницы тянется «шапка»: «Прекрасными не рождаются, ими становятся при помощи косметики фирмы «Бак».

Моделью для рекламы, той самой девушкой, чьи фотографии помещены и справа и слева, являюсь я, Степанида Козлова. Это моя работа – демонстрировать макияж, а также ассистировать Франсуа Арни, главному стилисту фирмы «Бак», гению спонжика, гуру румян и пудры.

Мой босс способен при помощи теней, тонального крема, губной помады и прочих косметических средств превратить зебру в пингвина. Нет, неправильно! Для Арни это слишком легкая задача. Африканская лошадка и обитатель Антарктиды имеют некоторое сходство – у них черно-белый окрас. А Франсуа возьмет табуретку, помашет кистями, и она расцветет майской розой.

Самое удивительное, что на сей раз глянец не соврал. Слева я, заштукатуренная по полной программе, справа же, так сказать, а-ля натурель. Вот только волосы в обоих случаях тщательно уложены, на мою бедную голову вылили кучу средств. Сначала мою шевелюру покрасили, затем нанес-

ли на нее особую силиконовую массу и высушили, потом все смыли, намазали прозрачную эмульсию для того, чтобы волосы не топорщились секущимися кончиками, а через некоторое время опять ополоснули. И дальше по списку: мусс, дающий объем, пенка, помогающая завить тугие локоны, спрей, обеспечивающий блеск, гель для фиксации и лак, который намертво зацементировал волосы. После того как Арни скажет: «Финиш. Моя дорогая, ты принцесса!» – прически лучше не касаться, она напоминает панцирь. И убрать всю эту красоту довольно трудно: льешь после работы на голову шампунь, а он стекает, как масло по льду, не задерживаясь и не пенясь.

Стилисты используют для съемок и показов профессиональные средства, которые имеют намного более сильный эффект, чем те, что продаются в магазинах. Кроме того, у Франсуа есть маленькие собственные личные секреты, которыми мэтр ни с кем не делится. Чтобы добиться сногшибательного эффекта и превратить редкие лохмы в буйную гриву, он с загадочным выражением лица вытаскивает из своего кофра баллончики без опознавательных знаков и щедро опрыскивает волосы модели. Что в них? Не задавайте глупых вопросов, ответов все равно не получите. Правда, мне известна одна забавная история про это средство. Но придется начать издалека.

Французские апартаменты месье Арни расположены в самом сердце шестого округа Парижа – на улице Сен-Бенуа,

которая одним концом выходит на шумный бульвар Сен-Жермен как раз в том месте, где с тысяча восемьсот семьдесят седьмого года работает Кафе де Флор. В этом заведении пьет эспрессо и сплетничает вся мировая фэшн-тусовка. Так вот, год назад в квартиру моего босса вторглись мыши. Бульвар Сен-Жермен возник давно, дома на нем очень старые, вернее раритетные, снести их и построить на этом месте современные многоквартирные монстры никто не позволит. Более того, владельцы домов не имеют права на переделки, радикальные тем паче, разрешен только косметический ремонт. У Франсуа, например, нет люстр, потому что ему запретили штробить потолок, по которому идут деревянные балки восемнадцатого века.

Почему бы по-тихому не нарушить закон? Так не получится по-тихому-то! Соседи услышат звук дрели, мигом настучат в районную управу, и тогда жди беды, то есть такого штрафа, что мало не покажется. Кроме того, Арни, как все парижане, трепетно относится к истории города и никогда не станет осовременивать свою обитель.

Забыть не могу, как в первый свой приезд в столицу Франции я увидела на улице Сены демонстрацию разгневанных жителей квартала и подумала было, что они протестуют против повышения коммунальных платежей. Ан нет! Оказалось, что владелец одного из местных кафе кардинально изменил его дизайн – повесил вместо зеленых тентов красные, переоборудовал стойку и вместо старых деревянных, помня-

щих еще импрессионистов столиков поставил их пластиковую имитацию. Разразился страшный скандал, и несчастный хозяин живенько восстановил прежний облик кафе и чуть ли не на коленях умолял разъяренную общественность о прощении. Но, согласитесь, мышей никак нельзя отнести к историческим ценностям, поэтому домработница Франсуа начала бороться с наглыми незваными гостями всеми доступными средствами. Но грызуны никак не реагировали на отраву и успешно избегали капканов.

– Чертовы мыши хитрее самого Фуке¹! – возмущалась горничная, инспектируя мышеловки. – Настоящие гурманы! Сыр сперли и живы остались!

А потом экономка случайно разбила одну из бутылочек, куда Франсуа налил свое средство для укладки волос, и в тот же день хвостатые оккупанты, прихватив детишек, дали стрекача. Соседи моего шефа продолжают жаловаться на нашествие грызунов, а к Арни более ни одна серая тварь не сунулась. И у любого человека в связи с этим возникнет естественный вопрос: ну и из чего, интересно, Франсуа состряпал свой, как он выражается, «прима-гель»?

Я ту знаменательную историю вспоминаю всякий раз, когда мне делают прическу...

– Степа, ты меня слышишь? – громко спросила Аня.

¹ Николя Фуке (1615–1680 гг.) с 1653 года был суперинтендантом финансов и допускал в работе серьезные нарушения. В 1661 году был арестован, спустя три года осужден пожизненно. (Здесь и далее примечания автора.)

Я отвела взгляд от журнала.

– Конечно. Давай определимся, кто он, твой конь на переправе?

– Сергей Петрович из травмы, – смущенно призналась медсестра. – Мы с ним живем третий год, но замуж он меня не зовет.

– А осел? – улыбнулась я.

– Володя, сын больной из третьей терапии, – пояснила Анечка, – тот мне на пятый день знакомства руку и сердце предложил и кольцо подарил. Маша, сестра-хозяйка, советует уйти от Сережи, расписаться с Володей, родить ребенка и не маяться дурью. Говорит, врач – бесперспективная история: раз за столько лет в загс не отшел, то уж и не поведет. А Владимир надежный вариант. И Ленка наша твердит: коня на осла...

Раздался тихий стон. Я кинулась к кровати.

– Зинопчка! Ты очнулась?

Аня, вместо того чтобы тоже поспешить к больной, почему-то начала креститься.

– Как самочувствие? – спросила я. И тут же разозлилась на себя: маловероятно, что Зина сможет ответить, бедняжка похожа на мумию, вся обернута бинтами и закована в гипс. Хорошо, хоть дышит сама.

– Степа... – неожиданно произнесла Зина.

Я пришла в восторг:

– Ты меня узнала!

– Браслет... – чуть слышно сказала Зина, – тот... на руке... где он?

Я повернулась к медсестре.

– Она бредит?

Аня подошла к кровати.

– Зиночка, лежи спокойно.

– Степе... дай, – прохрипела больная, – мой... я... рука...

– Браслетик? – уточнила Аня.

– Да... – выдохнула Зина.

Анечка быстро вышла из палаты в коридор. Я наклонилась над больной, ощутила резкий запах лекарств и спросила:

– Удобно без подушки?

Зина прикрыла глаза.

– Тебе плохо? – испугалась я. – Сейчас доктора позову.

– Нет! – донеслось из бинтов. – Где... мой...

– Я тут, – громко сказала медсестра, возвращаясь и подходя к кровати.

– Дай ей, – четко произнесла Зинаида, вновь открыв глаза.

Анечка протянула мне серебряный браслет с брелками, я машинально взяла его.

– Спрячь. Никому ни слова. Никому. Никогда! – зашептала Зина. – Секрет. Тайна. Карелия... Карелию... Ирине Марковне нельзя знать. Я тебе верю. Поклянись.

Аня толкнула меня в бок.

– Живо делай, что она просит!

– Может, Зина сначала объяснит, что с этим браслетом делать? – растерянно спросила я.

– Времени нет! – буркнула Аня. – Не нервируй ее. У тебя всего пара минут. Ну!

– Клянись, – еле слышно прошептала Зина, – спрячу... Ире нет... нет Ире... никогда Ире. Карелия. Карелия. На руку надень... сейчас... Карелия.

Медсестра ущипнула меня, и я послушно сказала:

– Даю самое честное слово, что спрячу браслет до твоего выздоровления и никому о нем не сообщу.

– Ире... Ире... нет... Ире никогда... никогда... Нельзя ей знать! Ключи... ключи... возьми...

– Даже твоей родной тете Ирине Марковне не скажу, – дополнила я свое обещание.

– Поклянись личным счастьем, – чуть окрепшим голосом потребовала Зинаида. – Скажи: обману – Бог накажет...

Меня охватили сомнения. Я уважительно отношусь к священникам. Если приходится по какой-то причине заглянуть в церковь, я всегда повязываю платок на голову. И не пойду туда в брюках, то есть постараюсь соблюсти принятые правила. Но истинной веры в Бога у меня нет, я атеистка.

Аня лягнула меня по ноге.

– Не тормози!

Но мне почему-то не хотелось произносить слова клятвы именно так, как требовала Зинаида. Никакого боженьки на небесах нет, но вдруг, если я сейчас скажу...

– Ты сволочь, да? – свистящим шепотом спросила Аня, глядя на меня страшными глазами. – Говори живо!

Я откашлялась.

– Клянусь своим счастьем, что никому, включая Ирину Ключеву, не проговорюсь о полученном браслете. Верну его только тебе, когда ты поправишься. Пусть меня Бог накажет, если я вру. Зиночка, ты, пожалуйста, не волнуйся!

– На руку его надень и всегда носи, – неожиданно четко и громко потребовала Зина. Затем ее речь снова стала прерывистой: – Только Карелия. Карелия... Помни о клятве... Никогда тебе счастья не будет, если Ире скажешь! Одна Карелия, моя Карелия...

Я сняла со своей руки собственный браслет в виде цепочки с разными висюльками, нацепила Зинин, очень похожий на мой, но явно более дорогой, и сказала:

– Вот, смотри. Твой точь-в-точь, как мой, никто не догадается, что у меня твоя вещь. Когда поправишься, получишь свою собственность назад.

– Не Ире, – зашептала Зина, – Ире никогда... она... мы... у тебя... солдаты... солдаты... король на войне... ключи... увожу ключи...

Раздался резкий писк какого-то прибора, и Аня быстро нажала на красную кнопку в изголовье кровати. Через пару секунд в палату вошли врач и две женщины в белых халатах, меня выставили в коридор. Я села на жесткую скамейку и стала наблюдать, как в палату реанимации к Зине вбегает

ют разные люди. Потом туда привезли пару странных аппаратов, притащили черные, смахивающие на сундуки, чемоданы. В конце концов суета стихла, медперсонал выдвинулся в коридор. Мужчина-врач стянул с рук голубые перчатки, бросил их прямо на пол, недовольно обронив:

– Отметьте время – тринадцать сорок.

Затем он исчез за дверью соседнего помещения.

Женщины-врачи молча направились в противоположный конец коридора, Анечка подобрала скомканные перчатки и взглянула на меня.

– Чего сидишь?

– Как там Зина? – спросила я. – Ей лучше?

– Панина умерла, – буркнула медсестра.

Я вцепилась пальцами в холодную лавку.

– Врешь! Зина очнулась и вполне внятно говорила, она явно пошла на поправку. Ты меня нарочно пугаешь?

– Пошли в сестринскую, чаю налью, – предложила Аня. – Зинаида умерла. Когда я нахожусь на работе, лгу исключительно по приказу профессора. Да и не врут родственникам, хотя от больного подчас скрывают правду.

Я медленно поднялась и поплелась за медсестрой, повторяя на разные лады одно и то же:

– Как же так? Она разумно беседовала, не бредила. Так из жизни не уходят. Не может быть!

Аня взяла меня под руку.

– Степа, обреченный человек часто перед кончиной при-

ходит в себя. Родственники радуются, а я понимаю – это все. Не знаю, почему так происходит. Вероятно, организм мобилизует последние силы в борьбе за жизнь. Ты чего больше хочешь: чая или кофе?

– Ирине Марковне кто-нибудь позвонит? – тихо спросила я. – Не могу сообщить ей печальное известие.

– Конечно, – ответила медсестра, – с Ключевой свяжусь. Она сюда каждый день приходила, все спрашивала: «Зиночка не очнулась? Ничего не сказала?» Сегодня не явилась, а Панина умерла.

– Мне лучше поехать на работу, – стараясь не расплакаться, сказала я, – дел очень много.

Глава 2

В поезде метро было полно народа. Я втиснулась между двумя потными, одетыми в ужасающие сарафаны тетками, увидела напротив еще одну в похожей хламиде и закрыла глаза.

Вот скажите, почему бабы, которым, скромно говоря, далеко за тридцать пять, этикие расплывшиеся квашни, не отказывающие себе ни в еде, ни в выпивке и из всех видов спорта предпочитающие телевизорбол, считают себя сексуальными нимфами и безо всякого стеснения облачаются в одежду, которую позволит себе не всякая модель с объемами комара? Неужели они на самом деле считают, что, выставив напоказ необъятный бюст, станут объектом вожделения всех мужчин на свете? И по какой причине некоторые женщины никогда не делают педикюр, но смело натягивают босоножки? И, похоже, красавицы, сопящие сейчас рядом со мной, не слышали ни об эпиляции, ни о дезодорантах. Очень хочется растолкать их локтями и сказать:

– Тетки, вам не мешало бы помыться, перед тем как лезть в общественный транспорт! И непременно купите себе средство от пота. Не нойте, что у вас нету денег на дорогую косметику и парфюмерию, – дешевенькие стики и спреи легко можно купить в любом супермаркете. А квасцы в аптеке и вовсе продают за копейки.

Я стояла и старалась не дышать. Вот от покойной Зины всегда пахло жасмином... Меня никак нельзя назвать близкой подругой Паниной. Мы просто вежливо здоровались и улыбались друг другу. А потом, это было год назад, Зиночка познакомилась с моей бабушкой, Изабеллой Константиновной. Белка в очередной раз приехала к нам в офис – ей очень нравится приходить ко мне на работу, вот она и придумала для этого благовидный предлог, уж не помню сейчас какой. Чтобы не посрамить внучку, которая работает моделью по макияжу в фирме «Бак», она разоделась по последней моде. Я до сих пор гадаю, где Белка раздобыла жилет под леопарда, черные джеггинсы с золотыми молниями на голених и кислотно-зеленую блузку. А еще, строго следуя указаниям глянцевого журнала, она обвесилась бусами-браслетами, влезла в босоножки на высоком тонком каблуке, завела волосы мелким бесом и наложила скромный макияж. Я прямо дара речи лишилась, когда узрела бабулю во всей этой красе, да еще и с сумкой в виде собачки в руках. Насчет последнего аксессуара надо сказать отдельно. Если за все людские грехи на землю обрушится новый Всемирный потоп и народ бросится к лодкам и кораблям, то Белка, конечно, тоже ринется в какую-нибудь шлюпку, не вспомнив ни о документах, ни о деньгах, ни о хлебе, а вот ридикюль в виде барбоса прихватит непременно. Сумок и сумочек в форме четвероногого друга человека у бабули не счесть. В этот день для визита ко мне она выбрала самый роскошный – усыпанный стразами.

Пока я пыталась прийти в себя от Белкиной «неземной красоты», в комнату, где мы находились, заглянула Зинаида, управляющая первого этажа бутика «Бак», и в секунду нашла с Изабеллой общий язык.

Чего-чего, а чванства в Паниной не было, она одинаково приветливо разговаривала с байерами, моделями, стилистами, продавщицами и уборщицами, никогда не пресмыкалась перед VIP-клиентами и не корчила презрительной гримасы при виде скромно одетой женщины, заглянувшей в шикарный многоэтажный магазин «Бак», чтобы приобрести тюбик губной помады, да и тот по скидке. Незадолго до несчастья, случившегося с Зиной, я после совещания у хозяина возвращалась в свой офис через торговый зал и увидела, как Панина объясняет старушке, одетой очень бедно, разницу между шампунем и кондиционером. Пенсионерка в конце концов решилась на покупку, и Зиночка засунула ей в пакет горю бесплатных пробников. А вот ее тетка Ирина Марковна Ключева, та совсем другая.

Ирина руководит всем бутиком, она директор. Племянница находилась у нее в подчинении. Ключева вспыльчива, обидчива и склонна подозревать окружающих в стремлении навредить ей. Если Ключевой взбрет в голову пробежаться по отделам, то у продавцов начинается истерика, все стараются забиться в дальний угол, чтобы не попасть начальнице на глаза, потому что никто не знает, как в данный момент она отреагирует на встречу с подчиненным. Ирина мо-

жет выгнать человека в секунду, и никакой КЗОТ² ей не указ. Слишком длинные ногти с рисунком, не очень аккуратная прическа, слегка помятая форма, отсутствие улыбки на лице, обувь без каблуков, понуро опущенные плечи, вызывающе яркий макияж, бижутерия, темные, а не телесного цвета чулки... – вот далеко не полный перечень прегрешений, из-за которых работница магазина может очутиться на улице. Но даже идеальные внешне продавцы изгоняются с позором, если допустят грубоватый тон или забудут что-то из ассортимента своей секции. И уж, конечно, если на продавца пожалуется покупатель, причем не VIP-клиент (таковых обслуживают в особом отделе Кока и Ника, два медовых, обсыпанных цукатами «пряника»), а простой человек, Ключева мигом вышвырнет провинившегося вон. Так что сами понимаете, как ее «обожают» подчиненные. Впрочем, те, на кого власть Ирины Марковны не распространяется, тоже не очень ее любят.

Я и Лена Водовозова находимся под эгидой Франсуа, и только он имеет право ругать или хвалить нас, поэтому в принципе мы поддерживаем с Ириной Марковной нормальные отношения. Пару раз она подсаживалась к нам в кафе, и мы довольно мило болтали ни о чем.

Однажды, наблюдая, как Ирина шпынует очередную продавщицу, Ленка тихо сказала мне:

– Ну до чего люди разные! Даже в одной семье похожих

² КЗОТ – кодекс законов о труде.

нет. Зинка племянница Иры, а такое впечатление, что у нее в роду одни белые зайчики, а у Клюевой тигры-каннибалы. Впрочем, чему я удивляюсь! Моя сестра весит сто килограммов и защитила диссертацию по химии, а я даже название ее произнести не могу.

Я посмотрела на крохотную Ленку, которая покупает себе платья в детском отделе, и рассмеялась.

– Тебе вот смешно, – вздохнула Водовозова, – а меня родственники считают тем самым уродом, без которого ни в одной семье не обходится. У нас все кандидаты да доктора наук, а я – какой-то там визажист. Ой, не дай бог к старости на Ирку похожей стать! Ну почему она такая дерганая? Ты не в курсе, Клюева замужем?

Я пожалала плечами.

– Понятия не имею, ничего о ней не знаю.

– Я тоже, – огорченно протянула Водовозова. – Зина с Ирой, как масло с водой, разные совсем. В одном сходятся – обе помалкивают о своей личной жизни.

Я попыталась усмирить пыл Лены:

– Какая тебе разница, что у них дома происходит?

– Просто любопытно. А тебе нет? – удивилась Водовозова. – Если у Ирины есть муж, то почему она с ним никогда никуда не ходит? Всегда появляется одна на корпоративных тусовках. День рождения «Бака», Новый год... Даже на презентацию эксклюзивного аромата Ирина пришла без спутника. Наверное, его в природе не существует.

– А может, все наоборот: супруг у нее есть, они живут счастливо, посещают театры, кино, выставки, отдыхают за границей, – возразила я. – А Ирине просто не хочется нам спутника жизни показывать.

– Боятся, что отобьем ее сокровище? – хмыкнула Лена. – Полагаешь, он молодой мачо? Ирка купила его, как очередные брюлики? Не повезло нам с Маврикиевной, из нее ни капли информации не выдавишь. Я подъезжала к бабке на кривой козе, и так, и этак пыталась про тетку с племяншкой что-нибудь узнать. Не колется Маврикиевна!

Я сделала вид, что поглощена изучением электронной почты. Валерия Валерьевна Маврикиева, которую все сотрудники зовут Маврикиевной, заведует у нас отделом персонала. Сколько лет ей, не знает никто. Мне кажется, что она – любимая дочурка графа Сен-Жермена, который поделился с ней эликсиром вечной молодости и бессмертия. Валерия еще при советской власти заведовала кадрами в каком-то НИИ, поэтому и у нас по привычке свято блюдет секретность, никаких сведений ни о ком Маврикиевна не выдаст даже под пытками. И мне, между прочим, совсем не интересно, есть ли у Зины и Ирины мужа. А вот Лена сгорает от любопытства.

– Согласись, это удивительно – обо всех много чего известно, а Панина с Ключевой рты на молнию застегнули, – гудела Водовозова.

– И правильно сделали, – не выдержала я. – Небось Ирина

понимает, что многие ее недолюбливают, потому и держит дистанцию.

– Думаю, ее скоро все просто возненавидят! – в запале заявила Ленка. – Она в последнее время уж совсем по ерунде бесится.

Водовозова ошиблась. Через некоторое время после нашей беседы все сотрудники фирмы «Бак» стали жалеть Ирину Марковну, потому что ее племянница стала жертвой катастрофы. Подробностей о происшествии известно было мало. Вроде в тот роковой день Зина приехала на бензоколонку, вышла из машины, хлопнула дверцей, сделала пару шагов, и тут ее автомобиль взорвался.

По счастливой случайности рядом не оказалось других машин. Сотрудники заправки не потеряли голову, и у них были все необходимые средства – пламя сбили быстро. Зинаиде повезло: когда ее иномарка взлетела в воздух, она успела отойти. Но ударная волна подняла бедняжку и впечатала в большое окно кафе. Спешно вызванная «Скорая помощь» увезла Зину в больницу. У нее обнаружили несколько переломов, порезы, но ожогов не было, поэтому все сотрудники «Бака» подумали, что Панина непременно выздоровеет – кости срастутся, раны затянутся. Однако уже через день стало понятно: Зине совсем плохо. Врачи говорили о крайне тяжелом состоянии, а медсестра Анечка шепнула мне:

– Уж не знаю, что лучше – умереть сразу или пролежать остаток дней овощем.

– Зина не сможет разговаривать? – испугалась я. – У нее поврежден мозг? Она не встанет на ноги?

Аня тяжело вздохнула.

– Про речь не знаю, и о последствиях сотрясения мозга никто ничего пока не скажет. А вот насчет встать на ноги... Похоже, Паниной из-за травмы позвоночника даже в коляску будет трудно сесть. Хотя случаются чудеса...

Еще через сутки до нас дошла другая новость. Оказывается, Зинаида находилась в автомобиле не одна. В салоне, на заднем сиденье, обнаружили останки мужчины, личность которого пока установить не удалось, так сильно он обгорел.

Зина за день до трагедии сказала больно, сообщила, что у нее грипп, и не явилась на работу. И после катастрофы в бутик приходили полицейские, которые расспрашивали сотрудников, в том числе нас с Леной и Ирину Марковну, задавая один и тот же вопрос.

– Можете ли назвать мужчину, с которым Панина поддерживала интимные отношения?

Понятное дело, мы с Водовозовой ответили отрицательно. Но, самое интересное, что Ирина тоже не помогла дознавателям. Закончив разговор с полицией, я и Ленка пошли в кафе, открытое на четвертом этаже, чтобы заесть стресс пирожными. А спустя четверть часа к нам подседа Ключева и неожиданно разоткровенничалась:

– Зинуля ничего мне о своих личных делах не рассказывала. Был у нее кто-то, но даже как его зовут, я понятия не

имею. Зина любовника до безумия ревновала и меня с ним не знакомила, говорила: «Счастье пришло не сразу, не хочу его потерять. Ты, Ира, одинокая красавица, вдруг отобьешь парня?» Вроде в шутку это произносила, но на самом деле, видимо, всерьез. Я поняла, что он моложе Зины и, кажется, не москвич, но больше ничего о нем не знаю. Мы вообще общались с племянницей в последнее время только по службе. Едва в ее жизни любовь появилась, она меня, родственницу, задвинула. Совсем голову потеряла! Я же старше Зины, а любовник моложе ее... Знаете, девочки, я не любительница зеленых яблок, меня привлекают мужчины зрелые, состоявшиеся, успешные и обеспеченные. Бегать в кино на последний сеанс, а потом жевать бургер в «Быстроцыпе», потому что у кавалера нет денег на приличный ресторан? Тащиться до дома на метро после свидания? Нет уж, увольте. Я привыкла к хорошей машине, вкусной кухне и прочим благам цивилизации с детства. Мне повезло с родителями, они были очень обеспеченными людьми. Зачем мне Зинин мальчик? И еще... Ведь соврала нам Зина! Сказала на работе, что заболела, грипп подцепила, а сама с любовником время проводила. Если бы не взрыв, никто бы не узнал об обмане. Захотела Зинка с парнем погулять – и наплевала на службу. Она для меня целый спектакль разыграла – лежала на диване, прикидываясь чуть не смертельно больной. А я, дура, ей поверила, навестить приехала, фрукты привезла.

Вывалив на нас никогда ранее не разглашавшуюся инфор-

мацию, Ирина Марковна вдруг поняла, что на волне стресса слишком разоткровенничалась, и круто изменила направление беседы:

– А кстати... Степанида, ты каждый день заходишь к Зине. Вот уж не предполагала, что вы нежно дружите.

Я почему-то смутилась.

– Нет, мы не состоим в приятельских отношениях. Зинаида больше общалась с моей бабушкой, Изабеллой Константиновной. Когда Белка узнала о несчастье, она попросила меня непременно хоть ненадолго приезжать в больницу и читать Зине газеты, журналы, рассказывать рабочие новости.

– Зачем? – поразилась Ирина Марковна. – Зина без сознания, не способна общаться.

Я развела руками.

– Тут вот какое дело... Когда-то у бабули жили постояльцы, Геннадий и Марина Фомины, у них была дочь Влада, лет четырнадцати. В один ужасный день ее сбила машина и она впала в кому. Врачи говорили, что девочка хоть и дышит, но на самом деле мозг умер, и настойчиво советовали отключить ее от аппаратов. Только родители не соглашались, а по очереди сидели у постели Влады, беседовали с ней, даже справили ее день рождения, пригласив в палату гостей. И случилось чудо – Влада выздоровела. Когда девочка вновь стала говорить, она рассказала, что слышала все, что происходило в палате, но никак не могла дать понять, что находится в здравом уме, и очень боялась, что ей перекроют кис-

лород, а не умерла от страха только потому, что родители постоянно находились рядом. Эта давняя история произвела на Белку очень сильное впечатление, поэтому она сейчас тоже ездит в клинику к Зине. Но целый день у кровати Паниной бабушка провести не может, бывает у нее вечером. Она очень просила меня навещать Зинаиду. Работы у нас с Леной не слишком много – Франсуа в отпуске. И спасибо Водовозовой, она отпускает меня в первой половине дня в больницу.

– А вы разве не ходите к племяннице? – задала, на мой взгляд, бестактный вопрос Лена.

Ирина скомкала бумажную салфетку.

– У меня не получается, работы – завал. Я говорила с лечащим врачом, и он мне сказал: «Зинаида не воспринимает окружающий мир, посещения бессмысленны». Удивительное дело, к таким больным могут пройти только родственники. Как же к Зине пропускают посторонних?

– Не знаю, как бабуле удалось уломать врачей, – ответила я. – Хотя вообще-то она может уговорить любого. Надеюсь, Зина скоро очнется и поправится.

– Вы не знаете, почему взорвалась ее машина? – снова бестактно поинтересовалась Водовозова.

Но Ирина Марковна не рассердилась.

– Зина ездила на автомобиле, который внешне выглядел достойно, но в действительности был далеко не новый. Специалисты пока не готовы дать конкретный ответ на твой во-

прос, Лена, но склонны считать произошедшее несчастным случаем. Очевидно, перетерся бензопровод, топливо капало на коллектор выпуска отработанных газов, который в просторечии называется «штан», и – бумс! Полагаю, так и было. Незадолго до несчастья Зиночка подписывала у меня разные бумаги и все время глотала какие-то пилюли. Я поинтересовалась, не заболела ли она, а племянница ответила: «За рулем укачало. И почему-то в салоне воняет бензином». Я ей велела ехать на сервис, но Зина не послушала совета. А еще я слышала, как Лиля Багрова, старшая продавщица, уже после несчастья причитала по поводу плохого технического состояния Зининой машины. Оказывается, Зина ей жаловалась на то, что ее тарантас странно едет в гору, словно пунктиром: поднимается, на секунду замрет и снова движется. Эти признаки свидетельствуют о поврежденном бензопроводе.

Я пришла в негодование.

– Странно, что ее любовник не обращал внимания на неполадки, разрешал Паниной пользоваться неисправной машиной! Неужели он не понимал, чем может обернуться такая беспечность? Наверняка ведь он знал и о запахе бензина, и о странных сбоях при движении!

Ирина иронически усмехнулась.

– Ты вспыльчива, прямо как бенгальский огонь... Далеко не все мужики технически грамотны, некоторые не способны лампочку поменять. Похоже, Зинуля нашла себе именно такого. Вспомни, за рулем сидела она, и сама же в ма-

газинчик пошла, парень остался на заднем сиденье. Ну, мне пора...

– Очень ее жаль, – прошептала Ленка, глядя вслед директорисе. – Ключева так переживает, аж похудела!

Я молча допила кофе. Лично мне было больше жаль Зину, которая лежала в реанимации без сознания, но меня не оставляла надежда, что она поправится.

Однако сегодня Панина умерла.

Глава 3

Боясь, что случайно налечу в торговом зале на Ирину, которой не дозвонились из больницы и не сообщили о смерти племянницы, я бочком пересекла его, вошла в наш с Водозовой кабинет и попыталась сосредоточиться на работе. Но в голову лезли мрачные мысли. Человек весьма хрупкое создание, странно, что люди до сих пор не вымерли. Если на улице резко повышается или понижается температура, мы начинаем болеть, поскольку очень зависимы и от природы, и от...

– Спасибо, Степа, – раздался за спиной хриплый голос.

Я, отрешившаяся от работы и практически забывшая, где нахожусь, почему-то испугалась, вскочила, больно ударилась о стол, увидела Ирину Марковну и плюхнулась назад в кресло.

– Напугала тебя? – забеспокоилась она.

– Нет, нет, я просто не ожидала увидеть вас в офисе, – ответила я. Быстро встала и предложила: – Садитесь, пожалуйста. Чай? Кофе? Может, включить кондиционер? Здесь, кажется, душно.

Ирина Марковна опустилась на диванчик.

– Не суетись. Я пришла поблагодарить тебя за все хорошее, что ты в последние дни сделала для Зины. Мне сказали, что она умерла у тебя на глазах.

Я почувствовала, как мои щеки заливают румянец смущения.

– В один из самых тяжелых моментов жизни ты помогла мне – сидела около моей любимой племянницы, – продолжала Ключева. – Поверь, я никогда не забуду этого. Можешь считать меня своим другом.

Я окончательно смутилась, отчего выпалила совсем уж дурацкую фразу:

– Так поступил бы каждый.

– Вовсе нет, – возразила Ирина. – Людей, готовых пожертвовать своим временем ради другого человека, на свете мало.

Я опустила глаза.

Ключева подалась вперед. Она явно хотела продолжить беседу, но тут у меня на столе резко затрезвонил мобильный.

– Ответь, – велела Ирина Марковна, – работа превыше всего, личные дела подождут.

Я взяла трубку.

– Степанида, беспокоит Николай Сергеевич, – пролаяли из телефона.

– Простите, кто? – не поняла я.

– Благов, хозяин снимаемой тобой квартиры, – прохрипел в ответ мужик.

Я удивилась.

– Добрый день. Какие-то проблемы?

Любой человек, снимающий жилплощадь, попадает в за-

висимость от законного владельца квартиры. И, как правило, тот изгаляется как может. Одни запрещают нанимателям заводить домашних животных, другие категорически настроены против детей, третьи не разрешают вешать картины на стены. Попадаются и весьма любопытные тетушки, которые как кирпич сваливаются жиличке на голову без звонка в пятницу в десять вечера. Вы спокойно кайфуете с бойфрендом на диване у телевизора, а тут – здрассти, нас не ждали, а мы приперлися! – перед вами возникает милая хозяйюшка со словами:

– Шла случайно мимо, решила взять из запертой комнаты кое-какие свои вещички. А вы выпиваете? С молодым человеком развлекаетесь?

Хуже такой мадам может быть только алкоголик, постоянно выпрашивающий у вас тысячу в счет будущей оплаты. Но мне повезло, Николай Сергеевич подписал договор и более не появляется, деньги я ему перевожу через банк на карточку. Интересно, что ему сейчас понадобилось?

– Ты это... в общем, короче, уезжай завтра, – вдруг заявил хозяин.

Я опешила, а потом спросила:

– Что случилось?

– Какое тебе дело? – гаркнул мужик. – Быстро собралась и умотала!

Меня охватило справедливое негодование.

– Минуточку. У нас подписан договор...

– Фиг тебе! – перебил Николай Сергеевич. – Чтоб к полудню тебя не было! Если не успеешь, приеду и вышвырну твоё шмотье на улицу.

– Вы не имеете права... – пропищала я.

– Хата моя по закону, – напомнил мерзавец. – Хочешь – подавай в суд! Скажи спасибо, что много времени на сборы дал. Конец разговору.

Потрясенная, я положила трубку на стол.

Можно награждать Николая Сергеевича любыми эпитетами, но ничего не изменится. Хозяин чудесно знает: договор всего лишь бумажка, и, если я не ошибаюсь, на одной из страниц в нем мелким шрифтом напечатано: «В случае форс-мажора сдатчик жилплощади имеет право потребовать от съёмщика немедленного выезда». Николай Сергеевич заявит, что у него случились непредвиденные обстоятельства, а денег я ему вперед не платила, и... Короче, топай, Степанида, на улицу. Правда, мне не грозит перспектива ночевать в сквере, накрывшись газеткой. Я поеду к бабуле, вернусь в свою спальню в нашей гостинице с веселым названием «Кошмар в сосновом лесу»³. Вот только, чтобы не опоздать на работу, мне придется вставать в пять утра, потому что отель расположен в Подмосковье.

– Неприятности? – спросила Ирина Марковна.

³ Подробно о гостинице и о биографии Степаниды и Изабеллы Константиновны рассказано в книге Дарьи Донцовой «Развесистая клюква Голливуда», издательство «Эксмо».

Я не люблю жаловаться посторонним на свои житейские трудности, поэтому ответила:

– Нет. Ерунда, рабочий момент. Как обычно, модельное агентство капризничает.

Клюева положила ногу на ногу.

– Простить себе не могу, что Зина умерла в мое отсутствие.

– Похоже, врачи не ожидали летального исхода, – пробормотала я.

Ирина кивнула и потерла ладонями виски.

– Вчера я звонила лечащему врачу, и тот мне ответил: «Панина в стабильно тяжелом состоянии, не думаю, что ситуация резко изменится. Подъезжайте, если хотите, но больная с вами пообщаться не сможет». Я ему поверила, подумала, Зиночке не стало хуже. И вот!

– Вы ни в чем не виноваты, – попыталась я утешить Клюеву. – Ни у кого язык не повернется упрекнуть вас, все видели, как вы переживали. Да и работу вам никак нельзя было бросить, вы отвечаете за весь бутик, а это огромная ответственность.

Клюева опустила веки.

– В детстве и в юности я хотела всем нравиться, старалась делать людям добро. Зависела от чужого мнения, пыталась доказать окружающим, что я замечательная. Просто из кожи вон лезла, пытаюсь заслужить похвалу: «Молодец, прелестная девочка». Но потом поняла: всегда найдется человек, ко-

торый будет завидовать, беспричинно тебя ненавидеть, улыбаться в глаза и плевать в спину. Не стоит ждать вселенской любви, надо определить узкий круг близких тебе людей и заботиться исключительно о них. У меня такой избранной была одна Зина, больше никого.

– У вас нет семьи? – спросила я.

Клюева обхватила ладонями колено.

– Когда-то был муж, но мы развелись не по моей инициативе. Геннадия давно нет в России, он улетел на Гоа и самосовершенствуется там, на берегу океана. Честно говоря, я даже не знаю его адреса, мы не переписываемся и не созваниваемся.

– Извините, – смутилась я.

– За что? – удивилась директриса. – Ты спросила, я ответила. Вопросы о Гене меня не задевают. Было время, когда я рыдала от обиды, мечтала ему отомстить за то, что променял меня на Индию. А потом пришло безразличие, и теперь бывший супруг не вызывает никаких эмоций. Хотя я ему благодарна. Именно из-за отъезда Геннадия в Индию я стала активно строить карьеру. Бросила прежнюю работу, где была неприметной сотрудницей, устроилась в «Бак» и буквально взлетела вверх по служебной лестнице. Очень хотелось доказать Гене, что я не пропаду без него, стану успешной, обеспеченной. Бывало, умогаюсь к вечеру, как савраска, упаду в кровать и представляю такую картину: супруг приезжает назад из Гоа, там у него все сложилось плохо. Наши эмигран-

ты редко хорошо устраиваются, в основном врут знакомым, повествуя о своих успехах за кордоном: «Я собираю полные залы на Бродвее, получаю миллионы за концерт». Ой, смешно! Если так все здорово было в Америке, чего ж ты в Россию вернулся и поешь на корпоративах? На поверку «залы на Бродвее» оказываются крохотными ресторанчиками на Брайтоне, а заоблачные деньги – сотней долларов за выход на сцену к жующей стейки публике. Я была уверена, что у Гены на Гоа ничего не получится, он ведь там существует на копейки от сдачи своей крохотной квартирки в Бибирево. Вот и представляла: прилетает он назад в Москву и видит меня. В бриллиантах! В шикарных шмотках! Помолодевшую, похудевшую! Приходит в бутик попросить у брошенной жены деньжонок на обед, мы идем через торговый зал, а все продавщицы приседают и кланяются, бьют поклоны: «Добрый день, Ирина Марковна!»

Очень меня эта картинка грела, много сил я положила, чтобы она стала реальностью.

Директриса стиснула пальцы в замок.

– Знаешь, я вообще-то мастер оказываться в неурочном месте в неурочный час. Никогда не была удачливым человеком, счастье из моих рук, как мяч, смазанный маслом, выскальзывало. Но тут я уперлась и победила! И вот результат: теперь мне все равно, что подумает Гена, вернувшись в Москву, я даже не приглашу его в «Бак». В мире оставался один не безразличный мне человек – племянница. И сегодня

она умерла. Без меня. Я не услышала ее последних слов. Меня это мучает. Что Зина говорила?

Я уж хотела было рассказать про браслет, но вовремя вспомнила данную умирающей Паниной клятву и соврала:

– Ничего.

– Совсем? – расстроилась Ира. – Неужели не произнесла ни слова?

– Лежала без сознания, – снова солгала я, чувствуя себя хуже некуда.

– Моя мама в старости страдала слабоумием, – грустно сказала Ирина Марковна, – вела себя, как младенец. Но за час до кончины неожиданно стала прежней – умной, прекрасной. Врач говорил, так порой бывает: вспышка сознания незадолго до смерти. Я надеялась, что с Зиной произошло нечто подобное. Значит, она не спросила обо мне?

– Нет, – выдавила я из себя.

– Можешь рассказать о ее последних минутах? – взмолилась Ирина, промокая глаза краем рукава блузки.

– Я читала Зине вслух биографию кинозвезды, напечатанную в журнале, – покорно завела я, – пришла Аня. Медсестра сменила капельницу, запищал какой-то прибор, примчались врачи, меня выпихнули из палаты. Все. Зина умерла. Я в это время сидела в коридоре.

Ирина Марковна встала.

– Прости, что тебе пришлось пережить столь ужасный момент. Знай я, что конец Зины близок, дежурила б у ее кро-

вати.

Клюева сделала шаг, неуклюже обняла меня и на секунду прижала к груди. Я ощутила сильный аромат новых духов «Бака». Запах очень приятный, но совсем не стойкий, так мощно он благоухает лишь первые минут десять после нанесения. Наверное, директриса, идя ко мне в офис, попрыскалась в торговом зале из тестера.

Глава 4

До пяти вечера я, наплевав на дела, обзванивала всех своих знакомых и задавала им один вопрос:

– Нет ли у вас приятелей, желающих сдать квартиру девушке без вредных привычек?

Увы, ответы звучали стандартно:

– Не, Степа, нету. А ты поройся по объявлениям в Интернете, авось подыщется подходящий вариант.

Но я хорошо знаю: в Сети толкаются представители агентств. Даже если не нарвешься на жулика, познакомишься с честным агентом, то придется заплатить ему нехилые денежки.

Что мне мешает позвонить владельцу «Бака» Роману Глебовичу и поделиться с ним своей проблемой? Ведь Звягин стопроцентно предложит:

– Немедленно переезжай ко мне.

У босса огромный дом, комнат там немерено, а жильцов – по пальцам пересчитать.

Во-первых, Антон, компьютерщик фирмы и пасынок хозяина, почему-то считается моим женихом. Все вокруг уверены, что скоро модель Степанида Козлова отправится с ним под венец и на законных основаниях войдет в семью Звягиных. Лично мне слухи о свадьбе только мешают – слишком много появилось из-за них завистников. На самом деле меж-

ду мной и Антошей ничего серьезного нет. Порой мы ходим в кино или ужинаем в каком-нибудь ресторанчике, но это все. Да, я нравлюсь парню, и он не оставляет надежды рано или поздно надеть мне на палец обручальное кольцо. Я вполне сносно отношусь к Тоше, считаю его своим другом, но и только. Потому что, к сожалению, люблю самого Романа Звягина. Отчего «к сожалению»? Да оттого, что шеф считает меня своей доброй приятельницей, иногда мы с ним ходим в кафе или театр. То есть все, как с Антоном, только наоборот. Роман не воспринимает меня как объект для романа, простите за глупый каламбур.

Не так давно Звягин потерял жену и пока не готов к новым отношениям. Впрочем, когда босс сможет опять с интересом смотреть на представительниц слабого пола, меня точно не окажется в числе тех, кто будет иметь шанс у него на успех. Я для Звягина – товарищ, который умеет хранить тайны, в перспективе – невестка, но никак не любовница. И что делать с создавшейся ситуацией, я не знаю.

Уйти из фирмы «Бак», разрубив узел одним махом, я не способна. Мне очень нравится работа, связанная с частыми поездками в Париж, Милан, Лондон, Нью-Йорк, за нее платят хорошие деньги. К тому же у меня есть возможность носить самые модные шмотки. И приобретать все, что мне захочется. Например, этой зимой я отправила Белку, всю жизнь мечтавшую побывать в Африке, в Кению. Причем купила ей билет первого класса на самолет самой лучшей авиа-

компании в мире, истратив нереальную сумму. Но все мои затраты перекрыл восторг бабули. Она до сих пор вспоминает тот перелет: лобстера, которого ей подавали в небольшом купе, обустроенном в лайнере, пуховое одеяло и мягкие подушки, звездное небо наверху. И, конечно, она не может забыть сафари, животных, которых видела. Разве мне удастся найти столь же интересную и отлично оплачиваемую работу с заманчивыми перспективами? По образованию я учительница младших классов. И что, прикажете мне идти преподавать в школу? Нет уж, лучше я останусь в «Баке», несмотря на крайне запутанные отношения со Звягиным. Вот только жить в одних апартаментах с ним я не стану. Один раз я приняла приглашение от Романа Глебовича, очутилась в его необъятном доме на правах гостьи, и... Ой, не стоит вспоминать, чем это завершилось⁴. Одним словом, я категорически не желаю зависеть от кого-либо, а от хозяина «Бака» в особенности, я вполне в состоянии снять квартиру и не чувствовать себя обязанной кому-либо за «стол и дом».

Но пока мне не везет, все знакомые сказали: «Нет». Решив не сдаваться, я собралась поговорить с девочками из торгового зала, хотела выйти из офиса, но тут ожил мобильный.

– Как у нас дела? – застрекотала Водовозова. – Я уже почти доехала, буду через минуту. Пришел Кошечкин?

Я ойкнула и ринулась к прилавкам. День сегодня выдался

⁴ События, о которых не хочет вспоминать Степанида, описаны в книге Дарьи Донцовой «Женихи воскресают по пятницам», издательство «Эксмо».

тяжелый, сплошные неприятности, вот я и забыла про акцию «Прическа в подарок».

«Бак» выпускает журнал, до боли похожий на другие гламурные издания. Обложка со снимком знаменитостей, на второй странице интервью, в котором та же звезда повествует о тяготах и лишениях, перенесенных ею на пути к славе и богатству, сетует на папарацци, рассказывает о своей благотворительной деятельности и врет на вопросы о том, что она читает и какой косметикой пользуется. Почему врет? Ну, наверное, чтобы казаться умной и интеллигентной. Это я про первый вопрос.

Помнится, нас с Ленкой очень повеселило телеинтервью с одной актрисой, снимающейся без разбора в любых сериалах, злые языки даже судачат, что по молодости она засветилась и в порнофильмах. Так вот, звезда, закатив глаза, вещала о своей любви к Пушкину, Льву Толстому и Достоевскому. Кстати, почему знаменитости всегда говорят исключительно об этих писателях? Были же еще Тургенев, Чехов, Бунин, Гоголь, Салтыков-Щедрин, а в двадцатом веке Катаев, Федин, Пришвин... Может, наши селебритис о них не знают? Так вот, спев про любовь к творчеству Александра Сергеевича, артистка открыла сумочку, а из той выпало аж два детективных романа Милады Смоляковой.

Что же касается второго вопроса... Понимаете, получив от фирмы «Бак» за интервью солидную сумму, знаменитость, по условиям договора, просто обязана нахваливать

продукцию нашей компании, независимо от того, какой косметикой она пользуется на самом деле.

На других страницах незатейливого журнальчика размещены светские новости, сплетни, статья о новых косметических средствах, о моде. Еще к изданию прилагаются скидочные купоны и проводятся всяческие акции. Нынешним летом это «Прическа в подарок». Читательницам надо ответить на вопросы конкурса, направить ответы по указанному адресу, и одной непременно повезет – ее пригласят в главный бутик «Бака», где кто-нибудь из лучших парикмахеров Москвы сделает счастливице стрижку или укладку.

Как вы понимаете, дам, стремящихся попасть в руки титулованного стилиста, предостаточно. Наш отдел, отвечающий за проведение мероприятия, буквально завален письмами читательниц. Так что с ними проблем нет. Намного сложнее с мастерами. Те звездят так, что мне порой хочется стукнуть какого-нибудь парикмахера феном с брашингом⁵ по башке и сказать:

– Ты всего лишь мальчик-расческа! Успокойся, не раздувай щеки!

По моим наблюдениям, чем человек значимее и успешнее, тем он проще в общении.

В прошлый свой приезд в Милан я зашла в какой-то салон – хотела сделать прическу – и обомлела. В зале работал

⁵ **Брашинг** – круглая щетка (бывает разных размеров), при помощи которой делают укладку.

сам великий Альдо Коппола! И мне удалось попасть к нему. Укладка не теряла объем три дня. Я спала, надевала для съёмок парик, мылась в душе, а волосы лежали так, словно Коппола их заколдовал. Но меня поразило даже не качество его работы. В конце концов от человека, чье имя знают почти во всех странах мира, не ожидаешь косяков. Нет, я была удивлена тем, как итальянец общался со своими помощниками, как спокойно раздавал им указания. Он не орал, не топал ногами, не швырял на пол ножницы, не требовал обмахивать его веером, а просто работал, явно получая от этого огромное удовольствие...

Вспоминая о Копполе, я добежала до ярко освещенного стенда, увидела тощую фигуру с меня ростом, облаченную в розовые джеггинсы, голубую майку с неприличными надписями на английском языке, в ботинки из кожи питона, и невольно вздохнула. Нет, Кошечкин явно не Альдо Коппола. Тот ходит в простых джинсах и не бросающемся в глаза пуловере. Хотя, может, характер у приглашенного стилиста и не дурной? В фэшн-мире не стоит оценивать людей по внешности.

– Простите, вы Кирилл Кошечкин? – чуть запыхавшись, спросила я.

И мигом прикусила язык. Ну все, сейчас он разозлится и закричит: «Звезду приглашающая сторона обязана знать в лицо!» Но мне до сих пор и правда не доводилось встречаться с парикмахером, носящим столь небрутальную фамилию.

– Боже, какая духота! – простонал паренек. – Включите кондиционер.

– Он работает, – улыбнулась я.

– Кислорода! – капризно заявил Кошечкин. – В таких условиях невозможно даже шевелиться.

– Может, хотите кофе? – я попыталась сменить тему разговора, одновременно косясь на здорового, почти двухметрового мужика, натянувшего на себя кожаные штаны, жилет из того же материала и майку-алкоголичку.

В правой, щедро разукрашенной татуировками руке дядька держал шлем и небольшую сумочку в виде черепа, а левой рылся в корзиночке, где горой лежал уцененный товар. Согласитесь, странно видеть байкера, который интересуется косметикой? Вероятно, ночной волк решил сделать подарок своей девушке, вот и копается в кусках мыла и бутылочках с шампунем.

– Кофе? – взвизгнул Кошечкин. – Хочешь, чтобы я вспотел и умер? Тут есть вип-туалет? Мне нужен сортир для приличных людей! Или мне придется пользоваться грязным писсуаром в общем клозете, а?

Я поманила пальцем продавщицу, с интересом слушавшую нашу беседу.

– Пожалуйста, проводите гостя в мужской туалет.

Кошечкин скорчил гримасу, но поплелся за сотрудницей бутика, голося на ходу:

– Не бежать! Я на каблуках! Упаду, сломаю ногу! Тише,

тише, женщина не должна носиться паровозом! Иди плавно, красиво! Господи, что у тебя на голове! Гнилое сено? И чем ты воняешь?

– Это новый парфюм «Бака», аромат восточных специй, – заученно ответила девушка.

– Вот дерьмо! – не стесняясь, выругался Кирилл.

Тем временем байкер засунул руку поглубже в корзинку и – обвалил ее. Товар рассыпался по полу.

– Ё-моё! – взревел дядька.

Я поспешила на помощь недотепа.

– Не беспокойтесь, я соберу.

– Сам справлюсь. Вечно у меня все падает... – прогудел мотоциклист.

Присев на корточки, я увидела его огромные ботинки. Ой, похоже, у него сто пятьдесят восьмой размер. И неужели ему не жарко? Весь запакован в кожу, да еще ботинки высотой почти до колена и на толстой платформе.

А байкер, намереваясь сам собрать товар, сделал шаг, наступил на кусок мыла и стал заваливаться прямо на столик, где Кошечкин успел разложить свой многочисленный инструмент. Я молнией взвилась вверх, успела ухватить недотепа за край жилета и каким-то чудом удержала его в вертикальном положении.

– Спасибо, зая, – ласково взрыкнул львиным басом байкер. – Во! Спотыкнулся! Набезобразничал тут, расшвырял дребедень и сам собрался поверх ухнуться.

– Не беспокойтесь, – воробьем в ответ зачирикала я, – нет проблем. Хотите купить подарок любимой девушке? Советую обратить внимание на экспозицию третьего этажа, там представлена эксклюзивная коллекция ароматических свечей в виде черепов. Вам должно понравиться.

– Нет у меня никакой девушки, – весело заявил мотоциклист. – Я одинок и счастлив!

– Тогда прогуляйтесь до мужского отдела, – предложила я, – попробуйте аромат под названием «Скорость», он создан специально для динамичных людей.

– Не-а, – снова не согласился ночной волк. – Я ж не баба, не душусь!

Но мне очень хотелось как можно скорее увести эпатажного клиента подальше от стенда, где с минуты на минуту должна начаться акция «Прическа в подарок». Поэтому, навесив на лицо самую сладкую улыбку, я достала из кармана купон и протянула байкеру со словами:

– На четвертом этаже работает кафе. Предъявите метрдотелю эту бумажку, и вас бесплатно угостят кофе и разными вкусностями.

– Очень мило, зая, но я не пью стимулирующие напитки, – покачал огромной головой байкер. – Лучше изучу косметику, люблю ее пробовать. Ты ведь не продавец? Бейджа нет.

– Степанида Козлова, модель по макияжу и помощница господина Франсуа Арни, главного стилиста-визажиста фирмы «Бак», – представилась я.

– Круто! – одобрил мотоциклист. – Слушай, можно мне шмотки на стул положить? Губную помаду я всегда на руке тестирую, а шлем с сумкой мешают.

С трудом скрыв удивление, я забрала у мужика ношу.

– Нет проблем, сейчас пристрою ваши вещи. Лучше им полежать вот тут, на столике, стул сейчас займут.

– Хорошая ты, зая! Милая и красавица! – оценил меня байкер.

– Очень люблю, когда меня хвалят, – улыбнулась я и услышала тихое потягиванье.

– Мы пришли! – раздался сзади голос Водовозовой.

Я обернулась. Ленка усаживала в кресло полную блондинку в дорогом костюме.

– Степа, познакомься, – застрекотала коллега, – это Софья Петровна, победительница очередной акции, простая читательница нашего журнала и обычная покупательница.

– Очень, очень рада! – расшаркалась я.

Простая читательница и обычная покупательница? Как же! Одежда у мадам от дорогого бренда, обувь ей под стать, сумка ценой в мою трехлетнюю зарплату, собачка-йорк в холеных, унизированных перстнями и браслетами руках, серьги-люстры до плеч. Ну да, у нас все простые покупательницы такие... Ясное дело, кто-то из сотрудников пиар-отдела решил пристроить на бесплатную стрижку к топ-стилисту свою родственницу или подругу. Чем богаче человек, тем больше он радуется халяве.

– Устраивайтесь, расслабляйтесь, сейчас Кирилл вами займется, – промурлыкала Лена. – Ваша собаченька не хочет попить?

Софья Петровна потрясла йорка.

– Ты как, маленький? Нет, он всем доволен.

– Где Кошечкин? – еле слышно поинтересовалась Лена, подходя ко мне. – Я его ни разу не видела, но говорят, парень – гений. А кто там роется в помаде? Похож на серийного убийцу.

– Нет, байкер милый, – тоже очень тихо ответила я. – Кирилл пошел...

– Вы телевидение? – заорали издалека. – Камера откуда? Какая передача, «Все о животных»? С ума сошли? Я вам что, черепашка? Или бобик вонючий? Где операторы с Первой кнопки? Кто вас позвал? Бутик «Бак»? Немыслимое, просто патологическое кретинство! Надо же было до такого додуматься – пригласить на мастер-класс великого Кошечкина и программу про зверей... Издевательство! На что намек? Кто тут свинья? Стилист или ваш победитель? Все дураки!

Неожиданно байкер оглушительно чихнул, дреды на его голове взлетели в разные стороны. Софья Петровна взвизгнула, Лена попятилась, а мотоциклист загудел:

– Простите, заи! Мыло здорово духовитое, нос пробило. Апчхи!

Йорк-терьер наострил уши и залаял что есть мочи.

– Всем заткнуться! – велел Кирилл, входя на стенд. – Так,

камера слева... Нет, справа. Должна прибыть бригада с Первого канала, им надо оставить лучшее место. Я договорился о сюжете в программе «Время». Молчать! Не спорить! Воды мне! Кофе и пирожных! Без крема, миндальных! Кого стрижем?

– Гав, ав-ав... – выводил йорк.

Кошечкин подпрыгнул.

– Что? Собаку? Да... вы... вы...

Лена взяла Кирилла за плечо.

– Знакомьтесь, это Софья Петровна. Она – ваша голова, очаровательный песик сопровождает нашу победительницу.

– Ну, ладно, – смиростивился Кирилл, – можно начинать. Эй, телевидение! Работать молча, не сопеть, в лицо не светить, с вопросами не приставать.

– Дышать можно? – совершенно серьезно поинтересовался оператор.

– Только тихо, – не понял подначки Кирилл. – Где великий Кошечкин?

Повисла тишина. Я не выдержала первой:

– Простите, а кого мы ждем?

– Боже! – закатил глаза Кирилл. Потом выдул изо рта огромный пузырь жвачки, громко лопнул его и продолжил: – В какой бутик ни придешь, там все тупые-тупые! Где вас таких берут? В каком Задрипанске? Не поняли? У вас сегодня работает великий Кошечкин! Не вижу Кирилла!

– Вы – не он? – уточнила я.

– Боже, конечно, нет! – разозлилось чудо в розовых штанах. – Я пресс-секретарь, пиар-агент и адвокат гениального Кошечкина. Я Павел Ива́нов. Ударение на «а». Не Ива-но́в, ни в коем случае не так! Где наш лучший в мире Кирилл-ножницы?

– Тут я, – пробасили от витрины с губной помадой, и на стенд вышел байкер.

Глава 5

Ленка судорожно икнула, Софья Петровна втянула голову в плечи. А я со злорадством посмотрела на изрядно испуганную «простую покупательницу» и на всякий случай спросила мотоциклиста:

– Вы и есть Кирилл Кошечкин?

– Для тебя Кирюша, зая, – пробасил стилист. – Начнем, пожалуй! Павлуха, не суетись под ногами. Мадам, ваши пожелания?

Софья Петровна сделала круговые движения руками.

– Ну... как-то так...

– Отлично, – одобрил Кирилл. – Зая, встань справа!

Я покорно переместилась.

Кошечкин взял ножницы, пощелкал ими, наклонился над клиенткой... и тут ожил йорк. С пронзительным рычанием он вырвался из рук хозяйки, бросился на парикмахера, вцепился ему в дреды и начал трепать одну старательно начесанную и оформленную в виде колбаски прядь.

Павел быстро сел на корточки и закричал:

– Помогите, пожар!

– Уймись, зая, – поморщился Кирилл и стал выдирать у песика из пасти свои волосы. – У, какая ты злобина! Нехорошо так сердиться, печень лопнет.

Йорк неожиданно заткнулся.

– Хороший зая! – похвалил его Кошечкин. – Ну, начнем снова. Зая, встань слева!

Я послушно передвинулась, куда он просит.

– Не ты зая, – улыбнулся гигант.

– Вы имеете в виду Павла? – стараясь сохранять серьезный вид, поинтересовалась я.

– Правильно, зая, – кивнул мастер. – Павлуха, хорош сидеть! Что главное в стрижке?

– Волосы клиента? – предположила пришедшая в себя Водовозова.

– Нет, зая, – возразил Кирилл, – нам нужен счастливый блеск в глазах. Глянет человек в зеркало и... ах! Вот тогда моя душа поет и пляшет, тогда я понимаю, что не напрасно живу, приношу радость. Короче, беру пенек и делаю из него сверкающую огнями новогоднюю елку!

– Ой, гирлянды не надо! – не поняла гения стрижки Софья Петровна. – И елка не к месту, на дворе лето.

У Лены запищал мобильный. Водовозова глянула на экран, поджала губы и шепнула мне на ухо:

– Справишься тут одна? На кастинге скандал, две модели дерутся. Катя Егорова растерялась, не знает, как их растащить.

– Беги, облей вешалок холодной водой, – еле слышно ответила я, наблюдая, как вокруг стенда собираются посетители бутика. – Не в первый раз, не переживай.

Водовозова убежала, а я стала смотреть на Кошечкина, ко-

торый, надо признать, очень виртуозно орудовал ножницами. Минут через пять мне стало понятно: Кирилл старательно обучает Павла. Именно ему, а не публике стилист рассказывал про волосы Софьи Петровны, форму ее головы и объяснял, как можно скрыть недостатки внешности дамы.

– Черепушка в данном конкретном случае плоская, как у змеи, – бубнил стилист, – так что нам, зая, нужен объемчик на затылке. Ясно?

– Ага, – без особого интереса кивнул Павел.

– Лоб узкий, маленький, хорошо его челкой прикрыть. Да пустить ее чуть кривовато, – гудел Кошечкин. – Понятно, зая?

– М-м-м... – отозвался пиар-агент.

Кошечкин покосился на него.

– Зая, не отвлекайся! Запоминай азы!

Павел снова выдул пузырь из жвачки, лопнул его и с самым несчастным видом спросил:

– Зачем?

Кирилл взъерошил волосы Софьи Петровны.

– Не упирайся, зая. Я из тебя человека сделаю. Поддай-ка пенку для волюма...

Помощник лопнул очередной резиновый бабл и протянул стилисту ярко-красный баллончик.

– Зая, – с легкой укоризной произнес Кошечкин, – ты перепутал. Спрей не нужен.

– Какая разница? – энергично двигая челюстями, огрыз-

нулся Павел.

– Принципиальная, – терпеливо произнес стилист. – Ну-ка, пшикни тем, что мне подсовываешь.

Павел послушно нажал на распылитель, из баллончика с тихим шипением вырвалась, на мой взгляд, бесцветная струя воздуха. Йорк, безостановочно тихонько тьявкавший на столике у зеркала, чихнул, икнул, свалился на бок и замер.

Я хихикнула. Вот здорово! Спрей Кошечкина – ближайший родственник волшебного геля для укладки, которым пользуется Франсуа? Впрочем, похоже, у Кирилла более мощное средство. Оно лишило голоса собачку, а от аэрозоля Арни из квартиры в Париже всего-то удрали мыши.

– Пенка имеет вид мусса, – застрекотал Кирилл, взяв темно-синий куб с пульверизатором. – Наклонись, покажу, как ее правильно наносить.

Павел закатил глаза, но побоялся послушаться. Иванов вплотную подошел к креслу, наклонился к макушке Софьи Петровны, выдул огромный пузырь, хотел лопнуть его, но потерпел неудачу – жвачка прилипла к волосам клиентки.

– Ой, вот гадость! – воскликнул парень и отшатнулся.

– Зая! – подпрыгнул здоровяк-стилист. – Ну ты даешь!

Поскольку «простая покупательница» сидела лицом к публике, произошедший конфуз был виден только нам трем.

– Нельзя так делать, – тоном бабушки, укоряющей любимого внука-шалуна, произнес Кошечкин. – Ну ничего, быва-

ли у нас и худшие форс-мажоры. Сейчас соображу, как лучше поступить. Стой спокойно, зая. Ничего не трогай.

Вместо того, чтобы подчиниться Кириллу, Павел схватил фен, в секунду включил его и направил на макушку Софьи Петровны струю горячего воздуха. А затем заворчал:

– Вечно ты мною недоволен. Сейчас его сдую.

Кошечкин быстро вырвал у нерадивого ученика гудящий фен. Поздно! От тепла жвачка растеклась еще больше и окончательно «приварилась» к волосам ничего не подозревающей любительницы бесплатных стрижек. Но это еще не все. Поток раскаленного воздуха изменил направление, попал на онемевшего йорка и в секунду смахнул его на пол.

– Павлуша, жвачку убирают с помощью холода, – пояснил Кирилл, – если липучка попала на свитер, его нельзя стирать в воде даже комнатной температуры. Необходимо положить в морозильник. Когда жвачка замерзнет, ее можно легко сковырнуть.

– Тетка не пуловер, – резонно заметил Павел и повернулся ко мне. – Тут есть холодильник для туш?

– Н-нет, – оторопела я. – А зачем он нам?

– В супермаркетах в таких туши хранят, – ответил Иванов.

– Здесь бутик фирмы «Бак», – напомнила я, – мы торгуем косметикой и парфюмерией.

– Неужели вы не открыли гастроном? – презрительно спросил пиар-агент. – Во всех приличных точках они давно есть! Жаль. А то можно было бы бабень отнести на ледник.

– Сейчас, сейчас... изменю концепцию стрижки... – мерно гудел Кирилл.

Меня поразила незлобивость Кошечкина. Любой другой мужик, увидев, что натворил наглый парень, схватил бы горячие щипцы и прищемил ими нос пресс-секретаря. Но мастер даже грубого слова не сказал. Может, он буддист? Вогнал себя в состояние нирваны и не хочет портить карму ругательствами?

С пола донеслось тихое твяканье. Я нагнулась, подняла растрепанного йорка, посадила его на столик и погладила. Песик резко повернул голову, я ойкнула.

– Что случилось, зая? – тут же спросил Кирилл.

– Он меня укусил, – пробормотала я. – Вот, смотрите, маленькая, но глубокая ранка!

Павел взмахнул руками, пошатнулся и осел на пол.

– Ему дурно? – испугалась я.

– Он крови боится, – пояснил Кирюша. – Вытри руку салфеткой, тогда зая встанет.

Иванов закатил глаза и простонал:

– Мне плохо...

– Очень красиво жаловаться на свое самочувствие при взгляде на мой травмированный палец, – не выдержала я. – Можете вернуться к нам из обморока, кровь не выступила.

Павел медленно встал, йорк зарычал.

– У, какой ты злой, зая, – улыбнулся Кирюша и потянулся за другими ножницами.

Пес изловчился, подпрыгнул и снова вцепился в дреды Кошечкина, дергая их в разные стороны. Зрители рассмеялись.

– Вас не затруднит дать ему попить? – попросила Софья Петровна, – Малыш всегда нервничает, когда испытывает жажду. Бутылочку я поставила справа у зеркала, а рядом мисочка.

– Спасибо, не надо воды, – отрезал Павел.

– Зая, дама беспокоится о своем зае, – пояснил Кирюша, азартно орудуя филировочными лезвиями.

Я потрясла головой. Итак, у нас в наличии два заи, причем один противнее другого. Но я нахожусь на работе, поэтому не имею ни малейшего права демонстрировать свои истинные чувства в отношении пресс-секретаря и бобика. Как одна из организаторов акции «Прическа в подарок», я обязана цвести улыбкой и источать, так сказать, миазмы позитива.

Схватив пластиковую бутылочку со столика, я открутила пробку, обнаружила миску около контейнера с заколками, налила в нее воды и сказала псу:

– Прошу, мистер, выпить подано.

Йорк недобро глянул на меня и принялся нюхать содержимое плошки. Я машинально протянула руку, но тут же отдернула ее и решила не обращать внимания на собачку. Конкурс выиграл не пес, а его хозяйка, значит, главное действующее лицо не капризная шавка, а Софья Петровна. Кстати, несмотря на то, что «простая покупательница» явно попала

в кресло Кошечкина по благу, вела она себя очень прилично: не капризничала, не вредничала, ничего не требовала, то есть оказалась воспитанной, интеллигентной дамой.

– Готово! – объявил Кирюша.

Я вынырнула из своих мыслей, посмотрела на голову клиентки и захлопала в ладоши. Кошечкин действительно гений. Он аккуратно выстриг жвачку, причем ему пришлось убрать волосы на макушке дамы почти под ноль, но, несмотря на экстремальные обстоятельства, он ухитрился сделать очаровательную стрижку.

– Супер! – крикнули из толпы.

– Женщина моложе на десять лет стала! – воскликнула продавщица из соседнего отдела. – Здорово!

– Можно мне посмотреть? – занервничала Софья Петровна.

Кошечкин повернул ее лицом к занавешенному зеркалу.

– Готовы? Раз... два...

Дама протянула руку, схватила бутылку с минералкой, из которой я наливала воду йорку, сделала из горлышка пару глотков и зажмурилась.

– Три! – объявил Кирилл и сдернул ткань.

– Красота! – воскликнула подбежавшая в эту секунду Водовозова. – Супериссимо! Браво!

Я расслабилась. Слава богу, акция прошла удачно. Сегодня нам повезло и с клиенткой, и со стилистом, никто из них не закатил скандала. Противный Павел не в счет.

– Дорогие наши покупатели! – ликующим тоном завела Лена. – Любой из вас может очутиться в кресле, вернее – в руках лучших мастеров мира. И абсолютно бесплатно! Вам надо лишь купить продукцию фирмы «Бак» на сумму, превышающую три тысячи рублей, получить в подарок наш лучший в мире журнал, ответить на вопросы конкурса и стать его победителем. Те, кто сегодня принимал участие в акции, получают журнал бесплатно. Понимаете? Они раздаются в голубой зоне торгового зала. Прошу вас, дамы и господа! Там же вам вручат пробники нашего летнего аромата. Все в подарок!

Публика в едином порыве бросилась в указанном направлении. Люди очень любят получать в магазине нечто просто так, пусть это будет даже обычный пакет с логотипом фирмы, поэтому сейчас все кинулись со всех ног в голубую зону, опасаясь, что на всех презентов не хватит. Около невысокого подиума, где сидела Софья Петровна, в мгновение ока стало пусто.

– Ну, вы довольны? – прожурчала Ленка, тронув клиентку за плечи.

Дама повернулась, на ее лице сияла счастливая улыбка. Но через долю секунды улыбка испарилась, Софья Петровна придушенно прошептала:

– Что с ним?

Я проследила за взглядом женщины и ойкнула. Йорк стоял на краю стола, вся его шерсть торчала дыбом. Изо па-

сти вылетали клубы фиолетового дыма, из ушей валил разноцветный пар.

– Ой, – залепетала хозяйка, – что это?

Песик захлопнул рот и поднял хвост. Теперь из его задницы поползли темно-синие клубы.

Кирюша схватил йорка и встряхнул его.

– Зая, говори, что сожрал?

Тот икнул – в воздухе повисла туча, похожая очертаниями на лягушку.

Мы с Ленкой приросли ногами к полу. И у меня, и у Водовозовой пропал дар речи.

– Наберите ноль один, – еле-еле выговорила Софья Петровна. – Спасите моего малыша!

– Ой, нет, не надо пожарных! – ожила Ленка. – Ирина Марковна взбесится, они тут все попортят!

– Но мой мальчик умирает! – причитала дама.

Йорк чихнул, икнул, пукнул и с рычанием вцепился в дреды Кирилла.

– Не, он вполне живой, – успокоил клиентку Кошечкин, пытаясь отодрать пса от волос. – Вау! Какой-то он у вас... не дружелюбный. Кусается. Прямо до крови. У, ты злой, зая!

Павел снова сполз на пол. Но он выбрал неподходящий момент. На Иванова, демонстративно теряющего сознание при виде крохотной капельки крови, никто не обратил внимания, потому что Лена вдруг завизжала.

– Смотрите!

Я взглянула туда, куда указывал пальчик Водовозовой, и вновь онемела. Софья Петровна сидела в кресле, широко открыв рот, и теперь из него валили темно-фиолетовые клубы пара.

Глава 6

– Главное, не нервничать! – замахал руками Кирилл. – Молчите, если не хотите напугать покупателей. Тсс! Орать не надо, все о'кей!

Кошечкин мог бы и не предупреждать о молчании – мы с Водовозовой онемели, а Софья Петровна превратилась в заледеневшую статую.

– У них одинаковые симптомы, значит, болезнь общая, – сделал вывод стилист. – Началось это внезапно... Эй, что вы оба слопали? Говорите, заи! Чем раньше признаетесь, тем лучше!

Йорк кашлянул, его хозяйка издала квакающий звук.

Я победила немоту.

– Они пили воду, бутылку принесла из дома Софья Петровна.

– Эту? – хмыкнул Кошечкин, показывая на пластиковую емкость.

– Да, – подтвердила я.

Кирилл наклонился, пес кинулся ему на голову и вновь принялся грызть дреды.

– Всем расслабиться! – приказал стилист, отдирая вредину от своих волос и усаживая йорка на высокий стул позади себя. – Осторожно, зая, не сломай зубы... В общем, так. Это не минералка. Вон их питье стоит, слева от зеркала. А спра-

ва я колорспрей поставил, его мой друг варит. Ничего, там все полезное, вреда не нанесет. Вы перепутали, потому что тара одинаковая, я краскодым в пустую бутылку из-под воды налил. Ща у них все пройдет.

– Краскодым? – переспросила Ленка.

Кошечкин встал спиной к столику и быстро ввел нас в курс дела. У него есть приятель, который изобретает всякие интересные штучки. Кирюша иногда для рекламы устраивает шоу – нанимает людей, стрижет их под музыку, потом приглашает желающих из зала и за пару минут делает их прекрасными. Кошечкина любят приглашать на корпоративы, где он обычно составляет компанию барменам, которые, смешивая коктейли, лихо жонглируют бокалами, бутылками и выпускают огонь изо рта. Чтобы представление получилось более зрелищным, Кирилл опрыскивает полуголых моделей особым, сваренным его другом зельем. При соприкосновении с потной кожей и вообще с любой влажной поверхностью оно начинает дымиться радугой.

– А в желудке мокро, – вещал стилист, – они выпили и затуманились. Эффект скоро закончится, он недолгий.

Мы с Водовозовой схватились за руки. Павел, поняв, что на него не обращают внимания, встал и с обиженным видом маячил в стороне. Софья Петровна чихнула. Кошечкин не обманул – дама более не напоминала дымовую шашку, которые служащие внутренних войск применяют для разгона толпы.

Я выдохнула и зашептала Ленке на ухо:

– Быстро собери тетке подарок, да положи в пакет товару побольше. Потом сообразим, как это по кассе провести. Она вообще от кого?

– Жена Владимира Львовича, нашего коммерческого директора, – одними губами произнесла Водовозова.

– Святая Женевьева! – процитировала я любимое восклицание Арни. – Напихай ей кремов от морщин, маски разные. Не стой, действуй! Надо задобрить Софью, иначе можем таких пирожных от главного получить...

Ленка кинулась в отдел косметики для лица.

– А-а-а! – вдруг взвизгнула Софья Петровна. – Что такое? Где мой малыш!

Я моментально вспотела, повернулась к Кирюше и подпрыгнула. На плече стилиста сидела... белая крыса. Вот тут меня охватил первобытный ужас. Если выпитая жидкость за короткое время превратила вредного йорка в грызуна, то что будет через пару минут с его хозяйкой? В кого перевоплотится она? В жабу? Хотя, нет, она милая, наверное, примет образ очаровательного кролика. Но как отреагирует вечно мрачный, желчный Владимир Львович, когда я принесу ему прелестного длинноухого пушистика и скажу, что это – Софья Петровна!

– Не пугайтесь, дамы, – улыбнулся Кошечкин. – А ты, Ромео, какого черта вылез? Понимаете, я не хочу моего заю одного дома оставлять, всегда с собой его ношу. Ромео тихий,

обычно в волосах прячется. Сегодня его зая Софьи Петровны разбудил. Сейчас наведем порядок!

Быстрым движением Кирилл запихнул крыску в копну своих дредов. Затем пошарил рукой за спиной, стащил с табуретки отчаянно рычащего йорка и протянул его хозяйке со словами:

– У, ты какой злой!

Супруга финансового директора вцепилась в собачку. По счастью, именно в этот момент на стенд влетела Ленка, за которой неслась продавщица, толкавшая здоровенную тележку, до отказа набитую коробками, банками и тубами.

– Подарки! – заголосила Водовозова. – Плиз! Они ваши!

Из глаз Софьи Петровны испарился испуг, она всплеснула руками и спросила:

– Пакетики дадите?

– Наши фирменные вип-сумки для вас! – заверила Ленка.

Я расслабилась. Все, слава богу. Йорк не превратился в мышь и перестал пукать цветным туманом. Софья Петровна тоже больше не напоминает дымовушку, которыми поп-звезды пользуются во время концертов. И стилист оказался нормальным человеком. Сначала меня немного смутило то, что Кирилл выглядит настоящим мужиком, не щеголяет в крохотной маечке на эпилированной груди, не звенит кольцами в носу, одет, как байкер, не растопыривает пальцы и не звездит. Но сейчас я успокоилась. Носить при себе крысу в дредах – вот это по-нашему, по-фэшнски. Кошечкин вовсе

не белая ворона, в быюти-мире он свой в доску.

Лена увела счастливую Софью Петровну, Кирилл складывал инструменты. Павлу надоело быть в тени, и он тихо занял:

– Пора перекусить...

– Степашка! – грянул над ухом до боли знакомый голос.

Я обернулась – у витрины с тональными кремами стояла Белка. Я постаралась не разрыдаться. Ну и денек! Смерть Зины, чехарда с акцией «Прическа в подарок» и до кучи визит бабули.

– Я ездила по делам, – защебетала Изабелла Константиновна, нарядившаяся в пронзительно розовый комбинезон, зеленые балетки и, естественно, имеющая при себе сумку-собачку. На сей раз голубого цвета. – Как у тебя? Все в порядке?

– Вероятно, я завтра перееду в «Кошмар», – вздохнула я, – хозяин велел освободить квартиру.

– Ой, как здорово! – обрадовалась Белка.

– Ага, – уныло кивнула я, – лучше может быть только бесплатный гамбургер. Мне придется вставать ни свет ни заря, чтобы успеть на работу.

– Найдется новая квартира, а пока вместе проживем, я по тебе соскучилась, – оптимистично заявила бабуля. – Что это там народ толпится?

– Раздают бесплатный журнал и пробники, – ответила я.

– О, я тоже хочу! – обрадовалась Белка.

– Не лезь туда, – попыталась я остановить ее. – Сейчас принесу тебе все из офиса.

– Вот еще! Сама возьму что хочу, – отбрила Белка и умчалась.

У бабули, несмотря на возраст, присутствуют все комплексы тринадцатилетнего подростка. Тинейджер готов свернуть шею, но никогда не примет от родителей помощь, потому что считает себя взрослым и умным. Обычно годам к двадцати от тараканов в голове ничего не остается. Я избавилась от желания самой справляться со всем подряд и теперь, прежде чем браться за мытье пола, сначала оглянусь по сторонам – вдруг рядом со мной находится умный человек, который захочет показать мне, глупой, как правильно драить паркет. Я с удовольствием уступлю ему швабру и порадуюсь, что не сама этим занимаюсь. А Белка до сих пор считает любую помощь вторжением в ее личную жизнь. Ну и кто из нас внучка, а кто бабушка?

– Держи, – неожиданно сказал Кирилл, протягивая мне бумажку. – Улица Плоткина, дом семь, этаж четвертый. У меня там свободная квартира. Небольшая правда, но ты поместишься. Живи на здоровье. Мебель есть, кухня с ванной тоже.

Я не поверила своему счастью.

– Ты предлагаешь мне жилье? Сколько оно стоит?

– Извини, – смутился Кирюша, – я случайно услышал твою беседу с бабушкой. Она у тебя супер! Мне нравится ее

стиль. Вот только волосы... Но прическу легко исправить. Квартира пустая, о цене не беспокойся, я ее никогда не сдавал, нет нужды.

– Спасибо! – обрадовалась я. – Завтра же переберусь. Часиков... э... в девять вечера. Мне кто-нибудь дверь откроет?

– Я, – пообещал чудо-парикмахер.

– Добыла журнальчик! – сияя от радости, подлетела к нам бабуля. – А еще мне достался шампунь «Молодость волос».

– Не пользуйтесь им! – тут же воскликнул Кошечкин. – Дорогой и некачественный.

Я с укоризной посмотрела на него:

– Обруганное тобой средство – лидер продаж.

Павел влез в нашу беседу.

– Народ любое дерьмо купит, если о нем в прессе написали.

– Думаете, плохой товар? – расстроилась Белка, вертя в руке бутылочку. – А почему?

– Пойдемте на выход, сейчас объясню, – пообещал стилист-байкер, хватая свои вещи.

Я поплелась за компанией к вертящимся дверям бутика. Кошечкин волочил набитые инструментами и всякими парикмахерскими средствами сумки. Большой кожаный саквояж с фенами, щипцами, плойками и утюжками он водрузил на чемодан на колесиках с косметикой и напоминал транзитного пассажира, спешащего на стыковочный рейс. Рядом шагала Белка, безостановочно задававшая ему вопросы. В ка-

кой-то момент она выхватила у Кирилла квадратный грим-кофр и понесла в руке. За подружившейся парочкой тащился Павел, цокая высокими каблуками узких штиблет. Меня удивило, что пресс-секретарь не изъявил желания помочь боссу с багажом, а шел налегке.

Когда мы вышли на улицу, Кошечкин вдруг спросил:

– Изабелла Константиновна, вы сейчас куда?

– На электричку, – ответила она.

– Опять машина сломалась? – огорчилась я. – Давно пора купить новую.

– К Рождеству непременно! – воскликнула Белка.

Я только махнула рукой. Это заявление я слышу давно, бабуля забывает уточнить год, когда она намерена отправить на свалку свой драндулет.

– Разрешите вас подвезти? – галантно предложил Кирилл. – Вон мой конь стоит у тротуара.

Я увидела огромный, натертый до зеркального блеска мотоцикл и возразила:

– Спасибо, не надо, я поймаю такси.

– Нет! – запротестовала бабуля. И восхищенно воззрилась на двухколесного монстра. – Ну и красавец! Всегда мечтала на таком прокатиться. С ветерком.

– Вам нравятся байки? – пришел в восторг Кирюша.

Я разозлилась. Ну, конечно же, у Белки сейчас горят глаза, а подросток в ее душе пляшет брейк. Обычно после тридцати люди становятся осторожными, не хотят рисковать, как в

юности, понимают, что некоторые приключения могут окончиться плохо. Но моя бабуля не из этой стаи. И теперь мне оставалось лишь наблюдать, как она надевает заботливо поданный гигантом парикмахером шлем.

Кошечкин привязал сумки и чемодан к багажнику и сел за руль. Белка пристроилась сзади, обхватив руками талию стилиста. Мотоцикл взвыл, резко стартовал с места, накрепился набок и влился в поток машин. Автомобили ползли со скоростью ленивцев, но наша развеселая парочка резво понеслась по проспекту, байкер уверенно лавировал между плетущимися в пробке иномарками. На короткое мгновение я увидела высоко поднятую над головой руку Белки с зажатой в ней сумкой-собачкой. Очевидно, в этот момент переполненная эмоциями бабуля кричала:

– Йо-хо-хо!

Но звук ее голоса до меня не долетал.

– Машина, – завопил Павел, прыгая на краю тротуара, – ау!

Около пресс-секретаря со скрипом притормозили ржавые «Жигули», из них высунулся веселый парень.

– Дэвушка! Садысь! Красавыцам скидка!

– С ума сошел? – завизжал Павлуша, отбрасывая назад тщательно завитые, искусно мелированные кудри. – Мужчину от женщины отличить не можешь? И чтобы я воспользовался джихад-такси? Да я не во всякий «Майбах» сяду!

Я решила не смотреть, как пресс-секретарь ловит такси,

и вернулась в магазин. И только пересекая торговый зал, сообразила, что не сообщила бабуле о смерти Зины.

Дверь в офис оказалась незапертой, под потолком горел свет. Я снова разозлилась, но на сей раз объектом моего недовольства стала Ленка. Ну сколько можно повторять ей, что мы работаем в бутике, через который ежедневно проходят толпы покупателей! Люди любопытны и, увидев дверь, обычно ее открывают. Одни ищут туалет, и их не смущает отсутствие на ней букв «WC», другие полагают, что в скрытом для общего доступа помещении спрятаны самые лучшие товары. Последние сохранили замашки времен социализма и до сих пор уверены: все первоклассное торговаши непременно заныкивают для себя. Ну и что будет, когда посторонние сунут нос в наш офис? Мы оставляем здесь верхнюю одежду, шарфы, уличную обувь, забываем подчас на столах мобильники. Неужели непонятно, что, уходя, нужно запереть дверь?

Я перевела дух и плюхнулась на стул. Спокойно, Степа! Ленка здорово перенервничала из-за акции «Прическа в подарок», и еще ей пришлось заниматься моделями, превратившими помещение для кастинга в боксерский ринг. Водозова закрутилась и не подумала о мерах предосторожности. Вроде все на месте. Вешалка пуста, но сейчас лето, никаких шуб на ней не было.

На смену злости пришли давящая усталость и тоска. После тяжелого дня хорошо вернуться домой, полежать в ван-

не с пеной, потом заползти под одеяло, включить любимый фильм и наслаждаться им, лопаая шоколадку. А мне придется готовиться к переезду – складывать вещи. Правда, их немного, все влезет в три сумки, но все равно о блаженном ничегонеделании придется забыть. Ладно, хватит жалеть себя, ничего хорошего из этого не получится. Рядом нет человека, который погладит меня по голове и нежно скажет:

– Степонька! Отдыхай, я решу все твои проблемы.

Увы, все трудности я разруливаю сама. С другой стороны, никто же не будет бескорыстно оказывать помощь, рано или поздно придется расплачиваться за то, что лежала в ванне, а не паковала узлы, и неизвестно, какова будет эта плата. Нет, уж лучше взять себя в руки и маршировать домой. Вернее, в то место, которое еще утром я считала домом. Зато как хорошо: я сама решила проблему – и никому ничем не обязана!

Сейчас возьму сумку – и на выход...

Глава 7

Ну и куда подевалась дорогая кожаная торбочка, которую мне, немало смутив ее ценой, преподнес на Восьмое марта Роман Звягин?

Шеф знает толк в аксессуарах. И понимает, что сумка для женщины, как часы для мужчины, – статусная вещь. Если на твоём плече изделие всемирно известного бренда, то и походка делается другой, меняется осанка, гордо поднимается голова. Очень приятно, спустившись в метро, разглядывать толпу и понимать: лапки вон той блондинки сжимают фейк, у симпатичной брюнетки вовсе не «родной» риди-кюль, а подделка из Азии, а у тебя – самая настоящая прекрасная вещь.

Я еще раз окинула взглядом офис. Так где же моя сумка? Всегда ставлю ее на стол, но сейчас там только компьютер и гора бумаг. Может, я изменила традиции и повесила шедевр из стеганой лакированной кожи с цепочкой из светлого металла на спинку стула? Нет, там ее тоже нет.

Мне стало не по себе. Я заглядывала под мебель, невесть зачем потрясла чайник, перебрала папки, разбросанные Водовозовой, и почувствовала, как к горлу подкатывает тугий горячий ком. Можно больше не шарить в комнатенке – в ней нет ни темных закоулков, ни массы шкафов, ни других потайных мест, где бы затерялся дорогой аксессуар. Водовозо-

ва не заперла дверь и убежала, я была на стенде, а в пустой офис влез вор. Значит, прощай, подарок Романа! Что еще «хорошего» случится сегодня со мной? Рабочий день закончился, но впереди вечер. Я упаду и сломаю ногу?

Глаза медленно наливались слезами, я выхватила из картонной коробочки бумажную салфетку. Не рыдать! Вроде у Чехова в одном из произведений есть замечательная фраза: «Если жена изменила тебе, радуйся, что она изменила тебе, а не Отечеству». Мне надо прыгать от счастья, ведь вор мог унести служебные документы или...

Я зашмыгала носом. Кому нужны бумаги Арни? Уж точно не охотнику за чужим добром. А в сумке лежали ключи, косметичка, ежедневник, кошелек, серебряный браслетик, который я сняла, чтобы надеть украшение Паниной, расческа, зеркальце и две конфеты. Их я хотела съесть вечером. Заварить чай, устроиться на диване и полакомиться.

Пропавшие конфеты оказались последней каплей, по щекам покатились горячие слезы. Усилием воли я попыталась остановить их, но только сильнее разревелась. И надо же было именно в этот драматический момент зазвонить служебному телефону.

- Козлова, – прохрипела я.
- А, рыдаешь... – прозвучал грубый мужской голос.
- Кто это? – шмыгая носом, спросила я.
- Костя, начальник охраны, – прогудело в ответ. – Ты ничего не теряла? Синего цвета.

– Сумочка! – завопила я. – Нашлась!

– Топай к нам в подвал, – велел главный секьюрити.

Я понеслась к лестнице, которая ведет в складские помещения, и спустя минуту увидела в руках Константина свою сумку.

– Держи, – весело сказал он. – Не забудь купить Вите, который торговый зал обходил, бутылочку компота.

– Где вы ее обнаружили? – воскликнула я.

– А где «спасибо»? – улыбнулся Константин.

– Ох, прости, – смутилась я, – думала, что никогда не увижу свою вещь.

– Ерунда, другую купишь. Лучше проверь содержимое, – приказал охранник.

Я залезла в торбочку и тут же заметила:

– Кошелек нет.

– Ясное дело, ради него сумку и сперли, – кивнул Константин. – Много денег в нем было?

– Три тысячи и кредитка, – вздохнула я.

– Карточку заблокируй прямо сейчас, – распорядился Константин. – Надеюсь, пин на ней не написала?

– Думаешь, раз я модель, то дура? – засмеялась я. – Цифры вбиты в телефон. Косметичка на месте, ключи не тронули. Ой! Конфеты!

– Отлично! – без тени улыбки сказал Костя. – Главное, конфеты целы. Ничего, кроме бабок, не пропало?

– Браслет! – вспомнила я.

– Дорогой? – полюбопытствовал Костя.

– Купила его в Париже, в крохотной лавке на улице Сены, отдала двадцать евро, – отчиталась я. – Серебряный, очень симпатичный, с брелоками, похож на тот, что сейчас на мне.

Охранник посмотрел на мое запястье.

– Вы, девушки, как обезьянки!

– Жаль браслетик... – заканючила я. – Дома есть другая кредитка, к тому же ее легко заменить, а украшение – нет...

– Вот балда! – щелкнул языком Константин. – Сама говорила, что у тебя похожий на руке.

– Он не совсем такой, – уперлась я, – чуть толще, массивнее.

– Лучше порадуйся, что паспорт цел. Вот его восстанавливать – замучаешься. Когда ты научишься офис закрывать? – спросил охранник.

– Где была сумочка? – повторила я вопрос.

– Ее засунули под витрину с ароматическими свечами.

– Вот странно! – поразилась я. – Отдел же находится на третьем этаже!

– Ничего удивительного, – пожал плечами Костя. – Вор спер твою котомку, понял, что добычи маловато, избавился от украденного, чтобы не привлекать к себе внимания, и отправился продолжать охоту.

– Зачем он поехал наверх? – недоумевала я. – Самый дорогой товар находится на первом и втором уровнях, вот где много покупателей с туго набитыми кошельками. Что уго-

ловнику делать выше? Там наборы для девочек, дешевый одеколон, подростковые линии, свечи в виде черепов, разная дребедень, да еще недорогое кафе. А дорогой ресторан, куда ходят люди с деньгами, находится ближе к моему кабинету. И, кстати, эскалатор с лифтами для посетителей находится в противоположном конце, около офиса только служебный подъемник, на котором со склада доставляют товар. Логичнее было швырнуть сумку неподалеку от нашей с Водовозовой резиденции, а не переться с ней по залам. Мужчина с женским аксессуаром в руке очень рисковал быть замеченным охраной.

– А с чего ты взяла, что это был мужчина? Воровством частенько промышляют бабы, – возразил Костя.

Я покачала перед его носом обретенной сумкой.

– Ни одна женщина-преступница не выбросила бы такую вещь, а непременно унесла бы, потому что выручила бы за нее немалую сумму. Ты знаешь, сколько стоит моя сумочка?

Константин замешкался с ответом.

– Ну... Выглядит недешево... Тыщонок пять?

– Более ста, – торжествующе сказала я.

– Чего? – не понял охранник. – Долларов? Евро?

– Тысяч рублей.

– Да ну? – усомнился Константин. – Вот эта фитюлька? Козлова, ты меня разыгрываешь! Не бывает сумок за такую цену.

Костя пришел в бутик из какой-то военной структуры, ра-

ботаает у нас недавно и еще не успел вникнуть во все тонкости быюти– и фэшн-мира. До него ответственный пост главы охраны много лет занимал Лев Наумович, вот тот с первого взгляда оценивал и одежду, и украшения, и аксессуары как клиентов, так и сотрудников, вмиг отличал подделку от брендовой вещи и легко мог консультировать дам возле стендов с декоративной косметикой.

– Сто тысяч рублей? – почти с ужасом повторил Константин. – Да на них можно купить комплект зимней резины, хороший мобильник, айпад, и еще останется. Ну не глупость ли тратить такие деньжищи на пустяк? По дороге к метро полно магазинов, где продают торбы за полторы тыщи деревянных. Чем твоя от них отличается?

– А какая разница между российской и импортной зимней резиной? – вместо ответа поинтересовалась я. – Ты захочешь свой автомобиль в нашу переобуть? Или предпочтешь другой вариант?

– Ну ты загнула, Козлова, – надулся собеседник, – сравнила красоту с яичницей. На российской резине даже бомж не поедет! Да отечественная и не подойдет для моей иномарки.

– А если б подошла, то как? – не успокаивалась я.

– Жуткая дрянь! – в сердцах воскликнул Костя. – Жуткого качества, ненадежная, непрестижная. Только позориться с ней! Что я, совсем нищий? Не могу себе позволить красивые колеса?

– С сумками та же история, – сказала я. – У парней обувь

для тачки, у девушек саквояжики, клатчи, ридикюли...

– Ага! Еще обувь, шмотки, шубы, квартира, дача и отдых на Мальдивах, – вспыхнул Костя.

Я поняла, что разговор задел охранника за живое, и, рассыпавшись в благодарностях, вернулась в свой офис. И с порога услышала трезвон местного телефона, кинулась к нему и сказала в трубку, решив, что опять звонит начальник охраны:

– Неужели нашелся кошелек?

Но на сей раз меня побеспокоил не секьюрити.

– Степанида, – ледяным тоном произнесла Ирина Марковна, – поднимитесь немедленно в дирекцию.

Я заперла рабочую комнату, зажала ключ в кулаке и, очень удивленная, порысила к Ключевой. Кстати, я действительно была изумлена. Уже говорила, что быути-модели не подчиняются Ирине, над нами властен лишь великий и ужасный Франсуа Арни. Но у него сейчас отпуск, вот почему мы с Водовозовой, образно говоря – правая и левая руки гуру, а также его любимые мордочки для раскрашивания, торчим в бутике «Бак» и занимаемся акциями вроде «Прическа в подарок». Нас Франсуа отдыхать не отпустил, мы – бессмертные пони. По какой причине я сравниваю себя и Ленку с малорослыми лошадаками? Сейчас объясню. Весной мне в Интернете попался забавный стишок: «Я люблю свою работу. Я приду сюда в субботу и, конечно, в воскресенье. Здесь я встречу день рожденья, Новый год, Восьмое марта, ночевать

тут стану завтра. От работы дохнут кони, ну а я – бессмертный пони». Автор этих строк мне неизвестен, зато я теперь знаю, к какой породе принадлежу: Козлова – тот самый бессмертный пони. И это намного лучше, чем вообще никому не нужная болонка, пусть даже и в золотом ошейнике со стразами.

Секретарши Алисы в приемной не оказалось, я деликатно постучала в дубовую дверь, открыла ее и спросила:

– Можно?

– Естественно! – царственно провозгласила Ключева.

Судя по тону, директриса едва сдерживала гнев.

В комнате, кроме Ирины Марковны, находилась еще женщина неопределенного возраста.

– Садитесь, Козлова, – предложила Ирина. – Вы знакомы?

Я внимательно взглянула на тетку. Для vip-клиентки слишком скромно одета, на лице ни грамма косметики...

– Так как? – повысила голос директор.

– Простите, первый раз вижу эту даму, – ответила я.

– Она? – бесцеремонно ткнув в меня пальцем, осведомилась начальница бутика.

– Да, – коротко ответила тетка, – я сразу ее узнала.

– Советую подумать и вновь дать ответ на мой вопрос, – словно разбуженная нехоти змея, прошипела Ключева, поворачиваясь ко мне. – Козлова, вы встречались с Галиной Петровной Муликовой?

Меня разозлило поведение Ирины. С какой стати она кор-

чит из себя мою начальницу? Почему позволяет себе беседовать со мной хамским тоном? Отчего демонстративно «выкает»? Несколько часов назад, находясь в офисе Арни, она ласково называла меня «Степочкой» и обращалась на «ты».

Я встала и с невозмутимым видом заявила:

– Госпожа Муликова никогда не имела дел с епархией господина Арни. Если это все, то я должна заняться...

И тут Галина Петровна вскочила, одним прыжком преодолела разделявшее нас расстояние и – отвесила мне оплеуху, еще и завизжав:

– Дрянь!

От неожиданности я пошатнулась и плюхнулась назад в кресло. Ирина кинулась к Муликовой, пытаясь ее урезонить:

– Немедленно прекратите! Иначе я вызову охрану!

Но тетка не унималась:

– Сволочь! – закричала она, швырнув на стол несколько фотографий. – Вот что ты сделала с моей девочкой, паскуда!

Я посмотрела на снимки.

– Жуть! – вырвалось у меня. – Это ваша дочь? Она больна?

Галина Петровна опустилась на крохотный диванчик и разрыдалась. Я прижала ладонь к горевшей щеке. Девушка на фото выглядела ужасно. Лицо, шею, зону декольте и руки у нее покрывали кровавые раны, ни бровей, ни ресниц не было, губы смахивали на раздувшийся рыбий пузырь. Вероятно, у дочери Муликовой псориаз, или она подцепила жут-

кую инфекцию. Но при чем тут я?

– Галина Петровна, возьмите себя в руки, – велела Ирина Марковна, – давайте поговорим спокойно.

– Мне нужны три миллиона долларов, и вы мне их заплатите! – выкрикнула Муликова. – Российские врачи отказались от Кати. Они не знают, как ей помочь. В Германии готовы положить мою дочку в больницу, но лечение очень дорогое, тысяча евро в день. Плюс перелет и гостиница для меня. Выкладывайте деньги!

Глава 8

Галина Петровна опять залилась слезами. Я посмотрела на поджавшую губы Ключеву и посоветовала:

– Надо вызвать «Скорую», госпожа Муликова не совсем здорова.

Посетительница вскочила и вновь ринулась на меня.

– Сама ты психопатка!

Но я уже была начеку, поэтому успела перехватить ее руку и жестко сказала:

– Мне жаль вашу Катю. Но помочь, увы, я ничем не могу. Немедленно объясните, почему вы требуете у меня деньги!

– Это ты продала ей отраву, – прошептала Муликова. – Отпусти, мне больно.

Я вернулась в кресло. Моему удивлению не было границ.

– При чем здесь я? Я ничем не торгую!

– А косметикой «Бак»? – набычилась Галина Петровна. – Ты к нам в «Тяжмашлегпромприборстройналадка» давно шляешься!

– Куда? – поразила я.

– «Тяжмашлегпромприборстройналадка», – без запинки повторила сумасшедшая.

– Понятия не имею, где такое находится, – пожала я плечами.

– Сейчас я освежу твою память! – заявила Муликова и

зафонтанировала словами.

Чем дольше она говорила, тем больше я изумлялась.

Оказывается, в фирму, название которой обычный человек не сможет произнести правильно даже после сытного обеда, регулярно приходит девушка Степанида Козлова. Она приносит каталог продукции фирмы «Бак» и предлагает сделать заказ по оптовым ценам.

Но я должна пояснить, что «Бак» выпускает дорогую косметику и совсем не дешевую парфюмерию. Средняя цена помады – около полутора тысяч рублей. Если вы решите пополнить косметичку тональным кремом, пудрой, румянами, тенями, тушью, карандашами для губ и век, подводкой и чем-то другим, то готовьтесь основательно раскошелиться. Недешево обойдутся и пенка для умывания, лосьоны, кремы, шампуни, кондиционеры, бальзамы для тела. И совсем опустошат ваш кошелек баночки со средствами anti-age ухода.

Эпоха радикальных пластических операций, оставляющих после себя шрамы на голове и верхней части шеи, в большинстве случаев превращающих женщин в одинаковых кукол со щеками-яблочками и кошачьими глазами, медленно отступает под натиском более мощных средств, которые разрабатывают ведущие фирмы мира. Появились сыворотки, умные кремы, обеспечивающие лифтинг-эффект, гели, уменьшающие синяки и грыжи под глазами, капли, убирающие мимические морщины, маски с ботоксом – всего и не

перечислить. Если же следы времени на лице слишком глубоки, их помогут скрыть особые наполнители, правильно подобранная косметика и аппаратные технологии. Пигментные пятна бледнеют от лазера, криогенные установки возвращают коже нежный румянец, а еще есть термаж, фраксель и армия других приборов. Сегодня не стоит ложиться под скальпель хирурга, вполне можно долгое время сохранять молодой вид без травматичных и часто неудачных операций. Одна беда – вся эта прицельно бьющая в цель тяжелая артиллерия доступна лишь очень обеспеченным людям.

Ладно, оставим в стороне борьбу за вечную молодость и спросим: зачем приобретать в «Баке» пудру за две тысячи рублей, когда в небольшом магазинчике через дорогу ее можно купить за полторы сотни, а если порыться в Интернете, то и за семьдесят целковых? Ну, во-первых, изделия фирмы «Бак» намного лучше по качеству. Тушь не осыплется вам на щеки и не застынет на ресницах черными комочками, румяна лягут ровно, и их в продаже числится более пятидесяти оттенков, а не пять-шесть, как у прочих производителей. А во-вторых... Вспомните наш разговор с Костей про зимнюю резину российского производства. На ней, конечно, можно кататься, хоть она и плохая, да ничего, машина поедет. Но престиж! С косметикой точно так же. Девушка, достающая из сумочки поцарапанную коробочку с надписью «Cosmetik «Kisa»⁶, испытывает не самые лучшие эмо-

⁶ Название придумано автором, любые совпадения случайны.

ции при взгляде на подружку, которая поправляет макияж при помощи палетки от «Бак». На простой женской зависти и тщеславии в фэшн- и бьюти-мире делают миллиарды.

Но вернемся к некой Степаниде Козловой, прибежавшей в «Тяжмаш... промстрой», или как его там. Милая девушка, представившись сотрудницей фирмы «Бак», собирала заказы, а потом приносила продукцию. Никакой предоплаты она не просила, если кто-то отказывался от товара, не ругалась, была приветлива, улыбчива, а главное – никого не надувала с ценой. Клиентки получали косметику значительно дешевле, чем та стоила в магазинах.

Галина Петровна не пользуется макияжем, а в качестве крема ее вполне устраивает купленный в аптеке. Но у Муликовой есть дочь-десятиклассница. Вот мать и решила сделать ей подарок на день рождения. Катя визжала от восторга, когда Галина десятого апреля вручила ей набор от фирмы «Бак». Девочка пообещала Галине Петровне, что не будет мазаться в школу, и честно сдержала данное слово, но в клуб вечером она накрасилась по полной программе. Проплясала там до часу ночи, вернулась домой и объявила:

– Мама, в свой день рождения я была самая красивая! Машку Кругликову аж скрючило, когда она содержимое моей косметички увидела!

Галина Петровна обняла дочку. Даже с учетом скидки купленный ею набор от «Бак» стоил недешево, но чего не сделаешь ради любимого ребенка, который растет без отца.

Наутро у Катюши появилась сыпь, но она не обратила внимания на мелкие красные прыщики. Однако к обеду небольшая неприятность разрослась, а к моменту возвращения Муликовой с работы Катюша лежала на диване почти без сознания.

Перепуганная Галина Петровна вызвала «Скорую». Дальше начался кошмар. Катерину положили в больницу, но с каждым днем ей делалось хуже – площадь поражения кожи увеличивалась, появились нарывы, которые вскрывались, за­растали, а на их месте образовывались новые. В конце концов выяснилась причина: у Кати обнаружилась аллергия на яичную скорлупу. Доктора делали все возможное, но поврежденная кожа не восстанавливалась, а там, где она очистилась, остались уродливые рубцы. Шлифовать их не брались ни в одной клинике, только немцы согласились принять Катерину. Они обещали хороший результат, но вопрос лечения уперся в деньги.

Едва врачи завели речь об аллергии, как Галина Петровна сообразила: косметика фирмы «Бак» – вот что сгубило красоту Кати. И сейчас Муликова, вытащив из сумки пудреницу с хорошо известным мне логотипом, кричала:

– Вот она, ваша дрянь! Читаю состав... Там много всяких веществ, названия которых мне неизвестны, и ни словечка нет про яйца. Но у меня есть подруга, химик. Она изучила не слова на коробке, а содержимое, и выяснила: там яичная скорлупа, превращенная в порошок, мел, дешевые красите-

ли, какие-то клейкие компоненты. У меня есть бумага с результатом исследования, на ней все написано! Вы обманываете покупателей! Мне, конечно, объяснили, что перемолотую скорлупу клали в косметику двести лет назад, но это копеечное сырье, а вы врете народу, дерете с него бешеные деньги! Давайте миллион долларов на лечение Кати и еще два за наше молчание! Сволочи! Гады непорядочные! Если я открою правду газетам, вашей фирме придет конец! Гоните бабки!

Я не перебивала Муликову. Было очень жаль ее дочку, но скажите, разве можно требовать от производителя огромную сумму за неразглашение информации о товаре, использование которого может навредить другим людям? Галина Петровна хочет отхватить куш и обещает хранить тайну, ей надо вылечить Катю и обеспечить ей материальный достаток в будущем. И Муликовой наплевать, что у других девушек тоже может возникнуть аллергическая реакция на компонент, которого вообще-то в нашей пудре быть не должно.

Женщина швырнула коробочку на стол и вытерла пальцы о юбку. Я увидела на черной ткани золотые блески и решительно заявила:

– Это вранье!

– Степанида, не усугубляйте ситуацию, – испугалась Ирина Марковна.

Но Галина Петровна вдруг очень спокойно сказала:

– В моих словах нет ни капли лжи, у меня при себе меди-

цинские документы, в них результаты анализов, заключения разных врачей. Могу организовать вам экскурсию в больницу – полюбуетесь на Катю. Поехали прямо сейчас!

– Мы вам, конечно же, верим, – залебезила Ключева, – просто Степанида неправильно выразилась. Она...

– Скажите спасибо, что я пришла к вам, а не обратилась в суд! – перебила директрису Муликова. – Адвокат мне объяснил, что процесс продлится долго, но получить от фирмы «Бак» компенсацию – раз плюнуть. Только мне деньги нужны срочно, нет времени ждать, пока завершится эта волокита. Так что давайте всего три миллиона зеленых, и я подпишу бумагу, в которой откажусь от всех претензий и обещаю никому никогда не рассказывать о качестве вашей косметики.

Ирина Марковна вздернула подбородок.

– Я не наделена полномочиями решить столь сложную задачу. И полагаю, что три миллиона наличкой даже глава фирмы Роман Глебович Звягин не достанет из своего сейфа. Вероятно, у вас есть шанс выиграть тяжбу и получить некую компенсацию. Но отнюдь не желаемую вами сумму, тем паче в долларах. И процесс действительно затянется не на один год. Лучше нам сейчас договориться о встрече... ну, допустим... э... во вторник. Соберемся тесной компанией – ваш адвокат, наши юристы – и со всех сторон обмозгуем проблему.

– Я должна как можно быстрее отправить Катю на лече-

ние! – снова закричала Галина Петровна. – Нет у нас с дочерью времени на тупую болтовню! Не хотите раскошеливаться? Прямо сейчас поеду в «Желтуху»! Журналисты обрадуются такому материалу, мало вашей фирме не покажется. А вас хозяин уволит за то, что меня разозлили и скандал на страницы газет попал! Так как? Или деньги, или мое интервью прессе!

Клюева заметно растерялась.

– Поймите, я не имею права в одиночку решать такие вопросы. Захоти вы вернуть купленный товар, я могла бы пойти вам навстречу, хоть это и не положено. Мне надо связаться с высшим руководством.

– Тогда давай, действуй! – приказала Муликова.

Клюева встала.

– Минуточку, Ирина Марковна, – вкрадчиво произнесла я, – тут есть один нюанс. Коробочка, которую госпожа Муликова швырнула на стол, произведена не на заводах фирмы «Бак».

Директриса опустилась в кресло.

– Нахалка! – взвыла Галина Петровна. – Да на ней же написано название, вот здесь! Читай!

Я взяла в руки пудреницу.

– Давайте тщательно изучим упаковку. Итак. Наша пудра никогда не раскладывается в контейнеры с осыпающейся позолотой, подобной той, что покрывает некачественные елочные игрушки. Точно не знаю, но подозреваю, что грузо-

вик такого «золотишка» стоит копейки, это на самом деле какая-то блестящая дрянь желтого цвета и, вероятно, производится из боя все тех же новогодних украшений. Подлинные же пудреницы «Бак» имеют кайму из краски, которая никогда не отваливается и не пачкает ни руки, ни одежду. Теперь сравним пластмассу. Смотрите!

Я достала из сумочки свою пудру и положила ее на стол рядом с той, которую принесла Муликова.

– Похоже?

– Как две капли воды! – протрубила Галина Петровна.

– И все же есть различия, заметные профессионалам, – продолжала я. – Наша коробка плотная, достаточно толстая, если случайно уроните ее на пол, она, как правило, останется целой. Ваша же тонкая. Видите, на коробочке фирмы «Бак», если повертеть коробочку в разные стороны, мелькают розоватые вкрапления?

– Здесь такие тоже есть! – не сдалась Галина Петровна и покрутила своей покупкой.

Я вздохнула.

– Не стану спорить. Но обратите внимание: «искорки» оранжевые и к тому же не вплавлены в пластмассу, а просто нанесены сверху краской. «Бак» очень придирчиво относится к внешнему виду своего товара, он постоянно меняется. Пудра, лежащая перед нами, принадлежит к прошлогодней зимней коллекции, она была лимитирована, продавалась в канун Нового года. Коробочка темно-зеленая, что

символизирует наряженную ель. А розовый – наш фирменный цвет, он присутствует во всех товарах. Повторяю: розовый, не оранжевый. Теперь откроем вашу покупку. Ну, я так и подумала!

– Что там? – спросила Ключева.

– Зеркальце без рамочки, – ответила я. И подняла крышку своей пудреницы. – А в оригинале оно заключено в обрамление из желтого металла. Спонжик у Муликовой сделан из дешевого поролона, а у меня из особого материала, состав которого – секрет фирмы. Могу дать Галине Петровне наш журнал, в нем есть статья, рассказывающая, как в лаборатории фирмы «Бак» ломали голову над пуховкой. Кстати, вы в курсе, что это вообще не пудра, а пуф?

– Что? – уже без крика, а вполне нормальным тоном поинтересовалась посетительница.

Я взяла толстый и одновременно упругий и мягкий спонжик, а потом повторила:

– Пуф. Если вы берете средство сухой губкой, это просто спрессованный порошок, который является последним акцентом, закрепляет ваш макияж. Но, как только мы намочим пуховку, пудра превращается в подобие легкого тонального крема и наносится на кожу первой для ее выравнивания. Такое средство двойного действия именуется пуф. Демонстрирую.

Я быстро попудрила тыльную часть ладони своим спонжем, потом, не спрашивая разрешения у Ирины, взяла с ее

стола бутылку минералки, увлажнила круглую губочку, размазала ею бежевато-розовую субстанцию и спросила:

– Видите разницу?

– Ага, – кивнула Муликова.

– Теперь протестируем вашу пудру, – взбодрилась я, взяв фальшивку и повторив свои действия.

– Она не становится кремом, – растерялась Муликова.

– То-то и оно! И обратите внимание: нужно использовать правильный спонжик. Тот, что у вас, не сделает с товаром волшебного превращения. Так что, Ирина Марковна, мы не можем отвечать за подделку. Кто-то фальсифицирует товары фирмы «Бак». Необходимо срочно поставить в известность высшее руководство.

Клюева вскочила и схватила принесенную Муликовой коробочку.

– Оставьте нам эту дрянь!

– Верните немедленно! – потребовала Галина.

– Если вы попытаетесь расплатиться в кассе фальшивой банкнотой, ее изымут! – заявила Клюева, быстро засовывая пудреницу в карман. – Аналогично поступают с любым фейком. От всей души сочувствую вашей дочери, но «Бак» не несет ответственности за мошенников. Можете, конечно, обращаться в суд, но мы выдвинем встречный иск о защите чести и достоинства. В результате после длительной тяжбы не мы вам, а вы нам должны будете заплатить кругленькую сумму. И еще от вас потребуют возместить судебные издерж-

ки. Хорошенько подумайте, прежде чем объявлять концерну «Бак» полномасштабную войну! И категорически не советую обращаться в прессу – выставите себя на посмешище. Привыкли пользоваться дешевкой, приобрели откровенную туфту, не разобрались, что вместо элитного бренда вам всучили низкопробное барахло, и подняли шум. Ступайте домой, не позорьтесь.

Галина Петровна медленно поднялась. Губы ее были поджаты, глаза метали молнии.

– Позор обрушится на ваши головы. Ладно, мы с дочерью бедные, простые, ничего не понимающие в товарах для богатых бездельников женщины. Но вот вопрос! Почему ваша штатная сотрудница Степанида Козлова распространяет подделки, а? Я ее узнала! И другие работницы фирмы «Тяжмашлегпромприборстройналадки» фифу часто видели. Так как? Вы готовы к войне? Сволочи! Правой рукой производите элитный товар, а левой выпускаете дерьмо и пускаете по городам коробейников с каталогами и опасной для здоровья гадостью. Суки!

Галина Петровна пнула столик и вихрем вылетела за дверь. Мы с Ириной остались тет-а-тет.

Глава 9

– Тебе мало платят? – возмутилась Ключева. – А ну рассказывай, какого черта ты торгуешь всякой гадостью!

– Вы же не всерьез задаете мне этот вопрос? – ответила я. – Надеюсь, не подозреваете меня в связи с мошенниками?

– Она тебя узнала! – не сдалась Ирина.

Я постаралась говорить спокойно.

– Галина обронила фразу: «Десятого апреля на день рождения Кати я купила ей набор фирмы «Бак». А я почти всю весну провела за границей. Если быть точной, мы с Водовозовой улетели двадцать восьмого марта в Милан, а вернулись в Россию шестого июня из Парижа. В Москву я за весь срок не наведывалась ни разу, курсировала по маршруту Италия – Англия – Нью-Йорк – Париж. Это легко проверить, в бухгалтерии есть наши билеты, счета из гостиниц, а в паспорте отметки пограничников, съемки с показов, где я демонстрировала новый макияж мсье Арни.

– «Степанида Козлова» – редкое сочетание имени и фамилии, – сбавив накал агрессии, заметила Ирина Марковна.

– Да, – кивнула я. – На Новый год одна из моих подруг подарила мне сертификат. Там было указано, что в Москве нет других женщин, которые имеют такие же, как у меня, имя и фамилию. То есть я, Степанида Козлова, в этом смысле уникам. А было бы интересно пообщаться со своей полной тез-

кой – говорят, у таких людей часто одинаковые судьбы.

– Вот видишь! – вспыхнула Ключева.

– Я вижу лишь одно, в этот «Тяжмаш» с прочей строй-
наладкой, приходит обманщица. Она пользуется моим име-
нем и распространяет никуда не годный товар, выдавая его
за косметику нашей фирмы – парировала я.

– Очень глупо, – поморщилась Ирина.

– А по-моему, наоборот, – не согласилась я. – Если ка-
кая-нибудь клиентка усомнится и начнет звонить на фирму
с вопросом, работает ли там Степанида Козлова, то ей отве-
тят «да».

– И что дальше? – всплеснула руками Ключева. – Она до-
берется до тебя и узнает: ты никогда не заглядывала в их
«Тяжпромбум»... Надо же было так обозвать предприятие!

– Нет, – снова возразила я. – Люди очень доверчивы, и тот,
кто что-то заподозрил, сразу успокоится, услышав от нашего
секретаря, который общается с покупателями: «Да, госпожа
Степанида Козлова состоит у нас в штате». Вы не забыли,
что телефонные номера моделей, ни служебные, ни тем паче
личные, не даются никому из посторонних? Представителю
прессы, который пожелает пообщаться со Степанидой Коз-
ловой или с другими моделями, предложат прибыть в офис.
Там его встретит пиар-менеджер и побеседует с ним. Наши
лица часто мелькают в журналах и рекламных проспектах.
На свете много идиотов, желающих обидеть нас просто по-
тому, что им не нравится глянец. Встречаются мужчины, го-

товые на все ради встречи с той, чье изображение размещено на билбордах, и ревнивые бабы, способные выцарапать глаза из-за того, что муж сказал, глядя на снимок, допустим, Водозовой: «Вот красotka! А ты, дорогая, превратилась в свинью». Так что никогда наши телефоны не дадут постороннему человеку. И простая тетка, решившая выяснить, есть ли в штате фирмы «Бак» Степанида Козлова, не станет искать меня, чтобы лично убедиться, я или не я торгую в их «Тяжмаш» и фиг знает какой еще наладке. Почти на сто процентов уверена: бабы, увидев каталог продукции с приятными ценами, разом забывают обо всем. Тем более что коробейница никогда не просит предоплату, расчет происходит в момент покупки.

– А откуда паразитка-продавщица узнала о тебе? – занервничала Ирина.

– Экая тайна! – фыркнула я. – В каждой фотосессии всегда указывают имя модели и фотографа. Или нахалка сама работает у нас.

– Но почему она воспользовалась именно твоим именем? – недоумевала Ключева.

– Найду пакостницу и задам ей этот вопрос, – буркнула я. – А сейчас нужно срочно предупредить Романа.

– Не твоя забота, сама оповещу Звягина! – огрызнулась Ирина Марковна. – Ты только никому не рассказывай о визите Муликовой, не мели языком, нам не нужен шум. У фирмы безупречная репутация.

– Многие фирмы имеют прекрасные бизнес-истории и тем не менее страдают от производителей пиратских копий, – не сдавалась я. – Мне самой неподалеку от Porte de Clignancourt, где расположен парижский блошиный рынок, частенько предлагали «настоящую сумку от мадемуазель Коко Шанель всего за двадцать евро». Представляете размах производства поддельной косметики фирмы «Бак», если лже-Степанида имеет каталог и всегда выполняет заказы? Боюсь, Галина Петровна – это только первая ласточка. У ее дочки оказалась аллергия на яичную скорлупу, Катя тяжело заболела, что и подтолкнуло Муликову посетить наш офис, а другие покупательницы пользуются эрзац-товаром нашей фирмы и ничего не подозревают. Необходимо сделать заявление от лица руководства фирмы, предупредить потребителей, что мы не работаем по каталогам, пригласить людей в бутик, рассказать, что пудра нашей фирмы имеет фиксированную цену и не бывает ни дешевле, ни дороже.

Ирина оперлась ладонями о столешницу.

– Козлова, я запрещаю тебе развивать активность и разглашать кому-либо только что услышанную в моем кабинете информацию! Ни ты, ни даже я не имеем права на принятие стратегических решений. Есть совет директоров, им и положено думать.

– Роман Глебович и Франсуа улетели отдыхать, остальные члены совета тоже в отпуске, – вздохнула я.

– Да, июль на дворе, – кивнула Ключева, – начальство все-

гда сматывается в это время к теплому морю. Первое заседание совета состоится через две недели.

– Это слишком долгий срок, – сказала я. – Мне почему-то тревожно, я чувствую приближение немалых неприятностей.

– Хватит! – гаркнула Ирина. – Все, ступай домой.

– Ладно, – миролюбиво согласилась я. – Вроде у вас всегда при себе есть таблетки от головной боли. Не поделитесь одной?

– У самой виски заломило, – пожаловалась Ирина, вставая.

Я отлично знаю, что Ключева держит аптечку в большом шкафу у окна, поэтому выждала момент, когда она, повернувшись ко мне спиной, начала рыться в ящике, схватила с ее стола бумажку с координатами Муликовой и с самым невинным видом замерла в кресле.

Ирина с треском захлопнула дверцу и вернулась к креслу.

– Бери из блистера, сколько хочешь, и запей стаканом воды. Именно таким количеством, иначе желудок заболит.

Я взяла маленькую розовую таблетку.

– Никогда не видела таких пилюль.

Ключева направилась к подоконнику, где стояли бутылки с минералкой.

– В свое время я перепробовала горы лекарств – помогали плохо. Зимой поехала в Лондон... Помнишь, мы договаривались с сетью торговых центров Англии о продажах фир-

мы «Бак»? Я тогда очень нервничала, голова трещала жутко, приходилось постоянно, чуть ли не через час, глотать таблетки. В обед ко мне подошла представительница партнеров, которая заметила мое недомогание, и посоветовала это средство. Сказала, здорово помогает, если причина боли стресс, а не высокое давление. Теперь я горя не знаю. Ты же не за рулем?

– У меня нет машины, – ответила я, незаметно пряча пилюлю в сумку.

Ирина поставила на столик стакан воды.

– Тогда пей спокойно. Замечательный препарат, но вызывает сонливость. Я один раз по ошибке двойную дозу слопала и через десять минут закемарил.

Я сделала вид, что глотаю лекарство.

– Не обижайся на меня, – улыбнулась Ключева. – Я была нарочито строга с тобой в присутствии посетительницы, но лишь для того, чтобы та немного успокоилась.

– Понятно. – Я встала. – Поеду домой.

– Степочка, – совсем уж сладким голосом завела Ирина, – ты небось сегодня устала.

– Есть немного, – призналась я, – день выдался тяжелый.

– Так не приходи завтра на работу, – предложила Ключева. – Отлично знаю, что ты мне не подчиняешься, я не имею права давать тебе поручения и освобождать от службы, но чисто по-дружески готова тебя прикрыть. Давай скажу, что я попросила тебя поучаствовать в съемке буклета, который

мы оформляем к именинам Звягина? Мы на самом деле хотим вас с Водовозовой занять в проекте, но работать начнем в начале сентября.

– Спасибо, – пробормотала я. – Франсуа в отпуске, никто мне и слова не скажет, если один день я не появлюсь в офисе.

– Вот и хорошо! – подхватила Ира. – Отдохни, поспи до полудня.

– Наверное, так и поступлю, – кивнула я.

– Возвращайся в офис в пятницу, – напутствовала меня Ирина Марковна. – Всех дел все равно не переделаешь, и вообще, работа не волк, в лес не убежит.

Я распрощалась с Ключевой, вышла из бутика и некоторое время колебалась, к какой станции метро направиться. Потом выбрала «Кузнецкий Мост» и двинулась вверх по узкой пешеходной улице. Галина Петровна Муликова живет в центре, я доберусь до ее дома быстро и попробую поговорить с ней в спокойной обстановке.

Дойдя до входа в подземку, я спохватилась: кошелек пуст, карточки нет! И в тот же момент вспомнила про проездной – я всегда кладу его в маленький внутренний кармашек на молнии. Может, на мое счастье, воришка побрезговал прихватить билет? Я настолько расстроилась, лишившись сумки, и так обрадовалась, получив ее назад, что не удосужилась проверить содержимое карманчика. Ой, а ведь еще в нем был золотой кулон с разорванной цепочкой! Вот его мерзавец точно упер...

Единый обнаружился там, куда я его положила, а рядом – вот уж радость! – лежал и медальон.

В вагон я втиснулась, думая о происшедшем. Все большие магазины страдают от нечистых на руку людей. Если вы считаете, что грабитель выглядит бомжеватым, основательно помятым мужичком, источающим перегар, то сильно ошибаетесь. Такого человека в торговую точку, во всяком случае в наш бутик, не пропустит охрана. Нет, щипач, как правило, прекрасно одет, держится с достоинством, не боится секьюрити, сохраняет спокойствие, когда к нему обращаются служащие, и знает законы. Один раз я слышала, как задержанный нашими охранниками вор на приказ открыть свою сумку и показать ее содержимое, не изменившись в лице, ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.